

РАССКАЗЫВАЮТ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ
ЕВТУШЕНКО

ЧЕЛОВЕК-Т,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЭКИПАЖА «ПАХАРА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Анатольевич Евтушенко

Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря»

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120608

Аннотация

С одной стороны, иметь репутацию людей, способных выпутаться из самой безнадёжной ситуации, очень даже неплохо. Экипаж космического грузовика «Пахарь» ощутил это, когда вместо незначительного штрафа за нарушение границ лируллийской территории получил задание доставить Чрезвычайного и Полномочного посла этой планеты на Землю. Но с другой стороны, если неприятности начинаются, то... Словом, гравитационный шторм, поломка сигма-коррелятора и затяжной прыжок в гиперпространстве оказались только первыми «цветочками». И снимать бы «Пахарю» урожай «ягодок» по полной программе, если бы не чудо. Обыкновенное, одетое в старинный скафандр и с клеёночатою тетрадью под мышкой, способное проходить сквозь стены, парсеки и годы. По имени Лёня Житинев. Встречей с которым для «Пахаря» началась новая страда...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	37
Глава четвёртая	53
Вступление	65
Эпизод первый	67
Глава пятая	89
Эпизод второй	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алексей Евтушенко Человек-Т или Приключения экипажа «Пахаря»

Жене и сыну с любовью

Одинокий путник идёт дальше других!
Ф. Зальтен. «Бемби»

Глава первая

– Вот увидите, – предрёк Оружейник, – это только начало. С нами так всегда бывает – одной неприятностью не обходится. Первая выскочила – жди остальных.

– Оптимист! – фыркнул Механик.

– Э-э... – сказал Доктор. – При чём здесь мы? Достаточно вспомнить некоторые народные пословицы и поговорки, чтобы убедиться в том, что данная закономерность вообще присуща течению человеческой жизни. Например, «Пришла беда – отворяй ворота».

– Ну, уж прямо и беда, – небрежно вступил в разговор Штурман. – Подумаешь, залезли на запретную террито-

рию... Кто ж знал?

– Кто знал?! – переспросил Капитан. – Да кто ж должен был знать, если не ты? Кто у нас Штурман, а?! Я проверил, – в памяти бортового компьютера эта зона помечена, как закрытая для полётов! Мне что теперь, прикажете каждый расчёт движения проверять? Р-разгильдяи...

– Сами же говорили, чтобы побыстрее, – понизил голос Штурман. – А запрещение полётов в данной зоне – чисто формальное. Это всем известно. Мне ребята рассказывали, что летали через неё спокойно – и ничего. Никогда патрулей лируллийцев тут не замечали.

– Никогда не замечали... – проворчал Капитан. Он уже успокаивался и теперь покусывал свой рыжий ус, что было верным признаком интенсивной работы мысли. – А сейчас, вот, заметили. Мы их, а они нас. И что теперь прикажете делать?

Космический грузовик класса С «Пахарь» возвращался на Землю после долгого отсутствия, связанного с выполнением большого количества заказов по доставке всевозможных грузов и оборудования в разные концы обитаемой галактики. Концы эти оказались немалыми, выгодные заказы следовали один за другим, и славный экипаж в составе Капитана, Штурмана, Механика, Оружейника и Доктора хоть и заработал немалые деньги, но порядочно изголодался по родному синему небу и зелёной травке.

Именно это, вероятно, и подтолкнуло Штурмана к нару-

шению писанных правил, когда он прокладывал наиболее короткий последний бросок-маршрут к Земле (ну и, разумеется, высказанное вслух пожелание Капитана попасть домой побыстрее). Точнее, не правил, а древнего запрета расы лируллийцев на пересечение принадлежащего им одного из сегментов галактики любыми видами космических кораблей без специального на то их, лируллийцев, разрешения.

Надо заметить, что у землян с лируллийцами отношения были не очень хорошие.

Прямо скажем, натянутые были отношения.

Всё началось ещё тогда, когда земляне открыли для себя способ передвижения в гиперпространстве и впервые вышли в Большой Космос.

Гуманоидные расы вообще имеют в галактике репутацию беззастенчивых нахалов, а уж земляне, в силу своей молодости и неуёмной энергии, – и подавно. Лируллийцы же – раса совсем негуманоидная (ближе всего им подойдёт сравнение с мыслящими деревьями), древняя, степенная, неукоснительно соблюдающая тысячелетние свои традиции и обычаи. И не только свои, но и всего Галактического Сообщества тоже. Мыслят и обмениваются информацией лируллийцы довольно медленно, поспешные решения, основанные на эмоциях, принимать и выполнять не склонны, а посему кажутся большинству землян существами холодными и бездушными. Что в корне неверно, ибо такие понятия как любовь и ненависть, дружба и вражда, симпатия и неприязнь

знакомы всем разумным в обитаемой вселенной.

Когда земляне добрались до своих первых звёзд, они ещё не знали, что не одиноки в обозримом Космосе. И вышло так, что первая раса разумных, с которой они столкнулись, оказалась полностью гуманоидная и практически идентичная им раса айредов. Айреды отставали в развитии от землян лет эдак на тысячи полторы и даже ещё не изобрели огнестрельного оружия и парового двигателя. Что, однако, не мешало им с энтузиазмом уничтожать друг друга в бесконечных войнах и стычках. В этом они, разумеется, были абсолютно похожи на самих землян, какими те были полторы тысячи лет назад.

Но.

Встреча с чуть ли не кровными братьями по разуму настолько потрясла и взволновала людей, что на всепланетном уровне было принято опрометчивое решение немедленно помочь несчастным, больным и отсталым. Был разработан план кампании, и были сконцентрированы людские и материальные ресурсы. Голоса тех, кто справедливо предостерегал от поспешных и необдуманных действий, потонули в дружном хоре энтузиастов-гуманистов («Люди гибнут сотнями тысяч от болезней и невежества, а вы...»).

И неизвестно, каких и сколько дров успели бы наломать земляне на Айреде, не вмешайся вовремя лируллийцы.

Они, оказывается, уже несколько сотен лет наблюдали за развитием цивилизации айредов и даже имели на планете

своих, умело замаскированных под местных жителей, разведчиков. Невмешательство было главным принципом лилурийцев на Айреде, а так как в Галактическом Сообществе они занимали одно из самых почётных мест (собственно, лируллийцы входили в четвёрку рас-основателей Галактического Сообщества), то их авторитет в этой (наблюдение за развитием юных цивилизаций) и многих других областях деятельности разумных во вселенной был практически непрекаем.

Но земляне-то не знали этих тонкостей!

Земляне в то время ничего вообще не знали ни о каком Галактическом Сообществе, а посему вмешательство непонятно откуда взявшихся лируллийцев в их гуманную миссию по ускоренному «спасению» братьев-айредов восприняли как оскорбление и чуть ли не прямую агрессию. Война между возмущёнными лируллийцами и не менее возмущёнными людьми не началась лишь потому, что разведчики обеих рас, находясь на Айреде в непосредственном контакте друг с другом, сумели довольно быстро выяснить истинные побудительные мотивы сторон, а также вовремя донести эти мотивы до дипломатов и власть имущих. В результате всего этого глобального недоразумения Земля, наконец, доподлинно узнала, что есть в галактике разум (и не один!) во многом её превосходящий, после чего люди поумерили свой пыл и через некоторое время смиренно попросились в ГС. Куда и были приняты полноправными членами после не

очень большого (102 года в земном летоисчислении) испытательного срока.

Смиренно-то смиренно, но старые неудовлетворённые амбиции каким-то удивительным образом переросли в устойчивую неприязнь к лируллийцам.

И неприязнь эта, к сожалению, была взаимной.

Нет, в открытые конфликты она, разумеется, не перерастала, но вот по мелочам... Это становилось похожим на некую странную игру, в которой оба участника при каждом удобном случае старались нанести противнику как можно больше мелкого морального, а иногда и материального ущерба.

Например, можно было задержать на таможне срочный груз, предназначенный для противоположной стороны, без веских на то оснований.

А то взять и ни с того ни с сего задрать пошлину на давно поставляемый товар процентов эдак на 50-70.

Или выступить резко против какой-нибудь всегалактической законодательной инициативы, выдвинутой соперником.

Или отказаться принять делегацию в рамках культурного обмена по причине якобы недостаточно тщательно проведённого эпидемиологического контроля.

Да мало ли мелких пакостей можно учинить, если захотеть!

Вот и теперь – захотели лируллийцы и учинили. Вернее, не так. Подвернулся случай мелкую пакость учинить, и они

этот случай не упустили.

Как уже было сказано, существовал в галактике невеликий сегмент, издревле принадлежащий лируллийцам. И существовал практически такой же древний закон, по которому данный сегмент не могли пересекать чужие корабли без специального разрешения на то самих лируллийцев. Закон этот был всегалактический, и принят он был ещё в те времена, когда четыре могущественные расы основали ГС. Все дело заключалось в том, что данный сегмент был для лируллийцев чем-то вроде культурного заповедника. Именно его они начали обживать с самого начала, когда тысячи лет назад впервые вышли на межзвёздные просторы.

В ту далёкую эпоху раса лируллийцев была молодой и любопытной, всю черпала недостающие ресурсы и энергию из подвернувшихся на пути необитаемых планетных систем, развивала колонии и вообще, так сказать, активно обустривалась в «завоёванном» пространстве.

Со временем, однако, жизненная философия лируллийцев претерпела значительные изменения, вести они себя в космосе стали по-другому, но этот сегмент, в котором они жили и развивались тысячи и тысячи лет, остался им дорог. Как дорога закоренелому горожанину родная невеликая деревня, покинутая в далёкой юности.

На самом деле, конечно, закон этот оставался больше на бумаге, и реально им пользовались крайне редко. Сами лируллийцы прекрасно понимали, что закон давным-давно по-

ра отменить, чтобы не смешить лишний раз добрых соседей. А заодно и не раздражать их без нужды. И отменили бы. Но земле... Уж очень закон этот был удобен в качестве той самой мелкой пакости сопернику-партнёру, о которой говорилось выше. Тут вся соль была в том, что люди, водящие свои корабли в окрестностях злополучного сегмента, никогда не могли знать – наткнутся они на лируллийский военный патруль или нет. А если наткнутся, то, опять же, остановит он их или сделает вид, что не видит. Нарушать же дурацкий закон приходилось довольно часто, ибо сегмент этот лежал как раз на оживлённом торговом пути, идущим от центра галактики к солнечной системе и близлежащим звёздным колониям Земли.

И было в нём очень удобно разгоняться для последующего перехода в гиперпространство.

В общем, получалось нечто вроде совершенно детской и несерьёзной игры «попадусь – не попадусь».

Только вот тем, кто время от времени попадался, было совсем не весело.

На этот раз не повезло земному грузовику класса С «Пахарь» и его экипажу.

Прямо по курсу, в 0,72 мегаметрах от «Пахаря», висели два, чем-то похожих на расцветенные огнями кедровые шишки, патрульных крейсера лируллийцев. Оптика услужливо передавала на главный обзорный экран их изображение. И это изображение было весьма впечатляющим. Да и

без всякого изображения экипажу были прекрасно известны тактико-технические характеристики лируллийских «акул космоса». Известны настолько хорошо, что ни у кого не возникло даже мысли о попытке сбежать и скрыться в гиперпространстве. Потому что такая попытка была заранее обречена на полную неудачу. Имелись прецеденты.

Приказ по дальней связи остановиться и приготовиться к приёму «гостей» земляне получили несколько часов назад и тут же приступили к экстренному торможению. И теперь с тоской мыши, попавшей в лапы сытого кота, наблюдали за большим и хорошо вооружённым космокатером лируллийцев, отвалившим от борта ближайшего к ним патрульного крейсера.

– Странно, вообще-то, – заметил Механик.

– Что именно? – ворчливо осведомился Капитан. Он уже смирился с судьбой и думал теперь о том, как вывернуться из неприятной ситуации.

– Насколько я знаю, лируллийцы в таких случаях не высыпают катер, а просто отдают приказ следовать за ними в ближайший лируллийский порт.

– Действительно! – оживился Штурман. – Чего это они?

– Боятся, что сбежим по дороге? – предположил Оружейник.

– Ерунда! – отмёл Капитан. – От лируллийского патруля ещё никто не убегал.

– Отчего же? – возразил Доктор. – Я слышал об одном

случае...

– А, знаю, – пренебрежительно перебил Капитан. – Ты имеешь в виду случай с «Нетерпеливым»? Якобы ему удалось уйти в гиперпространство при относительной скорости ноль целых хрен десятых? Брехня это всё, не верю. Если у них получилось, то почему у других не выходит?

– Мало ли загадок у пространства? – пожал плечами Доктор. – Я, например, верю. Вполне могли сложиться такие условия, что им это удалось. Любое, самое невероятное событие, рано или поздно случается, знаете ли.

– Чему мы сами неоднократно были свидетелями, – поддержал Доктора Механик.

– Вот именно, – сказал Доктор.

Капитан вздохнул, снисходительно оглядел экипаж и позвал в нагрудный микрофон:

– Алло, Умник! «Милый Джон» в рубку. На всех! Самое время подкрепиться.

Экипаж дружно и одобрительно промолчал.

Корабельный робот Умник появился в рубке через семь минут ровно с большим серебряным подносом в манипуляторах.

Здесь необходимо сказать несколько слов о роботе Умнике, а также коктейле «Милый Джон», составлять который робот был большим мастером.

В самом начале своего жизненного пути был Умник обычным серийным корабельным роботом, в чьи обязанности

входила уборка жилых помещений «Пахаря», готовка пищи для экипажа, усиленная охрана одного при высадке на незнакомые и малознакомые планеты, предварительная разведка территории в местах высадки, несложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы, ну, и ещё кое-что по мелочам – традиционный набор программ для корабельных роботов данного класса. Однако, полетав несколько лет с Капитаном, Штурманом, Механиком, Доктором и Оружейником, Умник приобрёл массу качеств, свойственных, скорее, живому и даже разумному существу, нежели роботу. Например, он самостоятельно читал книги, мог помедлить с выполнением дурацкого на его взгляд приказа или, наоборот, совершить полезное действие, не предусмотренное никакой программой. Ещё в его механическом голосе время от времени прорезались явно человеческие интонации. А уж коктейль «Милый Джон» он готовил, по мнению экипажа и всех тех, кто хоть раз бывал в гостях на борту «Пахаря», просто божественно. Коктейль этот изначально был придуман и составлен Доктором в качестве профилактического средства от «межзвёздной депрессии» (беспричинная чёрная тоска, наваливающаяся на людей, когда они слишком долго находятся в гиперпространстве). Потом Доктор передал рецепт Умнику, а тот его творчески переработал и дополнил. Теперь коктейль имел несколько, так сказать, модификаций, каждая из которых готовилась и подавалась роботом в зависимости от ситуации, настроения экипажа и запасов спиртно-

го на борту. В общем, и робот Умник, и коктейль «Милый Джон» были неотделимы от «Пахаря» точно так же, как и его знаменитый экипаж, о всевозможных приключениях которого среди космонавтов давно ходили самые невероятные легенды.

Итак, Капитан, Штурман, Механик, Доктор и Оружейник разобрали с подноса бокалы янтарного напитка и, глядя на увеличивающийся в размерах космокатер лируллийцев, спокойно ждали прибытия незваных гостей.

И те не замедлили явиться.

Кто хоть раз видел вблизи живого лируллийца, запомнит его облик на всю жизнь. Мощный и ровный ствол-туловище опирается на пять сильных корней-лап, с помощью которых лируллиец передвигается и зарывается в землю, когда ему это нужно. Сверху из ствола-туловища растут пять гибких и длинных ветвей-рук, а также с десятков ветвей поменьше, расположенных между ними. Последние покрыты чем-то вроде узких листьев и служат лируллийцам органами восприятия различных излучений (начиная от инфракрасного и заканчивая ультрафиолетом). На вершине ствола, в широкой развилке между ветвями расположено полусферическое пятилепестковое образование. Это орган приёма пищи. Или, попросту говоря, рот. Возможно, это покажется странным, но лируллийцы общаются друг с другом при помощи звуковой речи, так же, как и человек, и звуки у них тоже исходят изо рта. Мозг у лируллийцев.... Впрочем, не будем утомлять

читателя подробным описанием чужой нечеловеческой анатомии – она довольно сложна и скучна, как и всякая анатомия, если вы, конечно, не космобиолог или специалист по истории галактических рас. Скажем только, что их мозг имеет цилиндрическую форму и глубоко спрятан внутри туловища-ствола под толстым слоем крепкой кожи-коры и мышц-древесины.

Лируллийцы – удивительные существа (все разумные существа во вселенной по-своему удивительны, но лируллийцы мне лично всегда были особенно интересны).

Ещё на заре своей истории они уже обладали замечательной способностью к очень быстрой регенерации (лируллийцу ничего не стоит отрастить потерянную в бою или при несчастном случае руку-ногу-ветку буквально за пару часов). Позже, когда борьба за существование на Лирулле вступила в решающую стадию, эта способность развилась в нечто большее.

Дело в том, что изначально, на Лирулле возникли две, претендующие на разумность, расы. Собственно лируллийцы, больше похожие на растения, чем на животных. И ещё одна – гуманоидная. Гуманоиды (млекопитающие, две руки, две ноги, одна голова) не искали компромиссов и, как только осознали в себе первые проблески разума, начали против своих конкурентов беспощадную войну на уничтожение. И война эта вполне могла бы закончиться победой гуманоидов, которые к тому времени научились изготавли-

вать оружие и орудия труда, шить одежду, строить жилища и овладели тайной огня, если бы... Если бы не вот эта самая способность лируллийцев-растений к быстрой регенерации, которая под угрозой полного уничтожения вида во время переросла в способность удивительным образом изменять свой внешний вид. Эти псевдорастения, в которых тоже уже проснулся разум, научились сознательно принимать практически любую форму. Сначала, при необходимости, форму обычных деревьев, а затем и форму животных и даже самих гуманоидов. Вот тут-то, как только будущие хозяева Лируллы, научились принимать внешний вид своих врагов, и наступил перелом. Потому что, научившись превращаться внешне в двуногих прямоходящих, они сумели перенять у гуманоидов и способность к изготовлению сначала оружия, а позже и орудий труда.

Война шла ещё много тысяч лет, но гуманоиды были уже исторически обречены и, в конце концов, окончательно исчезли с лица Лируллы.

Гуманоиды исчезли, но у лируллийцев, совсем не агрессивных по натуре, одновременно с врождённой нелюбовью к гуманоидам как таковым, возник огромный комплекс вины перед ними же. Этот комплекс не был полностью изжит и донныне, что и предопределило их, лируллийцев, дальнейшую судьбу. А именно – стать одной из четырёх рас-основательниц Галактического Сообщества (остальные три были расами гуманоидными). И не просто «одной из», но са-

мой древней и авторитетной, чья мудрость и способность к пониманию, диалогу и компромиссу часто играли решающую роль при совместном решении всяческих общегалактических проблем.

И только по отношению к людям Земли врождённая лируллийская нелюбовь к гуманоидам возростала чуть ли не до прежних, доисторических размеров. Дело тут было, конечно, не во внешнем виде, характере и повадках (все гуманоиды по этим параметрам не сильно отличаются друг от друга). А вот в чём... Некоторые учёные и политики Лируллы считали, что виной всему чуть было не разразившаяся из-за айредов война между людьми и лируллийцами. Другие искали первопричину в агрессивности рода людского, которая агрессивность была, по их мнению, выше обычной агрессивности гуманоидов и по своей интенсивности и накалу приближалась к той самой агрессивности древних прямоходящих двуногих, с которыми лируллийцы имели недоброе дело на своей собственной планете. Были и другие вполне достойные и солидные гипотезы. Но гипотезы всегда остаются всего лишь гипотезами, а факты – фактами. Факты же заключались в том, что при общении с людьми, извечная внутренняя борьба комплекса вины и врождённой неприязни к гуманоидам в душе лируллийцев обострялась и принимала зачастую довольно причудливые формы.

Разумеется, люди платили лируллийцам похожей монетой. Именно похожей, а не той же, потому что неприязнь

к этим разумным растениям-животным была у землян не врождённой, а, так сказать, благоприобретённой, а комплекс вины по отношению к лируллийцам вообще отсутствовал. Потому что единственное из чего он, комплекс, мог хотя бы теоретически возникнуть – это массовая вырубка на Земле лесов в 19-21 веках, которые, к тому же, давным-давно были человечеством восстановлены в прежнем объёме.

Итак, похожий на гигантское яйцо, космокатер лируллийцев причалил к «Пахарю». Экипаж, как и положено, встречал гостей у шлюза (только Штурман, согласно Уставу Гражданской Космослужбы, остался в рубке).

Гостей было трое. Облачённые в скафандры, они наполнили причудливые вазы на ножках, увенчанные шарообразными стеклянными плафонами, из-под которых свисали гибкие длинные отростки. Каждая ваза высотой около двух метров.

Лируллийцы, как и люди, родились на кислородной планете. Поэтому, как только дверь шлюза бесшумно встала за их спинами на место, шлемы скафандров были сняты, вежливо-официальные приветствия сказаны, и гости вслед за хозяевами проследовали в кают-компанию.

В кают-компании Капитан на секунду замялся, не зная как предложить гостям сесть (лируллийцы, находясь в своём естественном виде, предпочитали и спать, и бодрствовать стоя).

– Не трудитесь, – выручил Капитана лируллиец, который

был чуть ниже ростом своих товарищей и даже в скафандре казался как-то изящней чем они. – Мы с удовольствием постоим. А вы садитесь, не стесняйтесь.

Гость говорил сам, без интеркома и почти без акцента (было отчётливо видно трепетание всех пяти лепестков его рта, когда сквозь них проходил воздух), и экипаж «Пахаря» переглянулся. Говорящий на земном языке лируллиец – это была большая редкость.

– Ничего, – не растерялся Капитан. – Мы тоже с большим удовольствием постоим. Только, вот, простите, не знаю, что вам предложить. Может быть...э-э... чистой воды?

– Воды? – переспросил «маленький» лируллиец – стало уже понятно, что он здесь у них главный – и рассмеялся, одновременно зашелестев всеми своими листьями. – Честно говоря, лично я, как гость, рассчитывала попробовать ваш знаменитый коктейль «Милый Джон». Кажется так он называется?

Капитан почесал в затылке, Оружейник открыл и забыл закрыть рот, а Механик едва сумел подавить в зародыше нервный смех. И только Доктор невозмутимо сказал:

– Умник, семь бокалов «Милого Джона»!

И добавил:

– Вы уверены, что алкоголь вам не повредит?

– Не больше чем вам, – лируллиец изобразил нечто вроде лёгкого поклона. – Кстати, разрешите представиться. Я – Чрезвычайный и Полномочный Посол Лируллы на планету

Земля. Зовут меня... Зовите меня... Вишня. Так будет удобнее и вам, и мне. Тем более, что на Земле, насколько я знаю, есть красивое дерево с таким названием и замечательными плодами. Вот моя верительная грамота.

С этими словами лируллиец (лируллийка?) расстегнул в передней части скафандра карман-клапан, достал оттуда лист бумаги и протянул её Капитану.

Там, где возникает разум, неизбежно появляется общество. А позже и государство. Лируллийцы не пользовались документами удостоверяющими личность в нашем понимании этого слова. Но они уже тысячи лет имели дело с гуманоидами различных рас и научились иногда принимать правила чужой игры.

Капитан внимательно прочитал документ. Составлен он был по всей форме на общеземном языке и в несколько старомодной форме гласил, что податель сего, госпожа (всё-таки лируллийка!) такая-то, является Чрезвычайным Полномочным Послом Лируллы на Землю. Просьба оказывать всемерное содействие. Тут же имелись две печати: лируллийская, похожая на сложного вида кляксу, и человеческая – круглая печать земного посольства на Лирулле.

Тут в кают-компанию степенно вошёл Умник с «гостевым» серебряным подносом в манипуляторах, на котором переливались янтарём семь высоких запотевших бокалов.

– Что ж, – промолвил Капитан, возвращая документ (он уже понял, что корабль не арестуют, а потому голос его был

полон самого искреннего радушия), – добро пожаловать на борт «Пахаря», госпожа Чрезвычайный Посол!

Глава вторая

Экипаж «Пахаря» никогда раньше не встречался с лируллийцами и тем более не видел, как они принимают пищу и питьё (а уж повидал этот легендарный экипаж за время своих странствий по галактике достаточно). Конечно, разглядывать в упор пьющих коктейль «Милый Джон» гостей – верх неприличия, но никто из четверых людей не смог удержаться, чтобы хоть краем глаза не понаблюдать за этим процессом.

Процесс впечатлял.

Лируллийцы брали своими руками-ветками бокалы и вздымали их над головой (то есть, полусферическим пятилепестковым ртом, потому что никакой головы у них не было вообще) как бы в безмолвном тосте-приветствии. Потом бокал наклонялся, все пять лепестков рта, трепеща, приоткрывались, и тонкая струйка коктейля лилась из бокала прямо куда-то внутрь лируллийского тела. С журчанием и тихим чмоканием. Впрочем, двое сопровождавших госпожу Посла лируллийца сделали всего по паре вежливых глотков и оставили бокалы в сторону. «Им ещё катер обратно вести – много нельзя», – весело пояснила госпожа Вишня, махом ополовинив свой бокал.

Пока совершался этот древний, как само время, ритуал, Капитан мучительно пытался составить фразу-вопрос в сло-

вах, подобающих рангу гостя и соответствующих этикету Галактического Сообщества.

– Я вижу, Капитан, – непринуждённо заметила лируллийка, – что вы хотите меня спросить, почему именно ваш корабль мы выбрали для столь ответственной миссии, а не воспользовались собственным космическим флотом. Я не ошиблась?

– Нет, – Капитан постарался принять непринуждённый вид, – вы не ошиблись. Именно это я и хотел спросить.

– Что ж, я отвечу. И отвечу охотно. Но сначала позвольте мне отправить на патрульный крейсер сопровождающих меня офицеров и покажите мне мою каюту. Надеюсь, у вас найдётся свободная каюта?

Капитан молча кивнул.

– Отлично. Если не возражаете, я приведу себя в порядок, и мы с вами встретимся здесь, в кают-компании, через три часа. Не обращайтесь на меня внимания и спокойно рассчитывайте курс к Земле.

– Курс мы давно рассчитали, – сказал Капитан. – Можно стартовать хоть сейчас.

– Отлично! Значит, как только наш космокотер удалится на безопасное расстояние, можете стартовать, – и госпожа Чрезвычайный Посол простучала-прощёлкала что-то соотечественникам на своём языке.

После того, как Вишня и её багаж (один баул из мягкого непонятного происхождения материала) были препровожде-

ны в гостевую каюту, а космонавт лируллийцев отвалил от борта «Пахаря», экипаж немедленно собрался в рубке.

– Потрясающе! – разворачивая кресло, воскликнул Штурман, как только остальные четверо появились на пороге. – Я все видел и слышал. Чрезвычайный Посол лируллийцев у нас на борту! Чудеса да и только... Всё обошлось, Капитан, а вы переживали. Одного не понимаю – что всё это значит?

– Я сам не пойму, – вздохнул Капитан и уселся на своё место.

– Госпожа ...э-э... Вишня обещала нам все рассказать через три часа, – напомнил Доктор.

– Уже через два часа с половиной, – уточнил Механик.

– Вот увидите, – заявил Оружейник, – все наши неприятности ещё впереди. Она, лируллийка эта, хоть и Посол, но женского пола. А что хорошего можно ждать от женщины на борту?

– Я не понял, что вы делаете в рубке, – скучным голосом сказал Капитан. – Кажется было однажды сказано, что в момент старта, кроме меня и Штурмана, здесь никого и близко быть не должно. А ну марш по своим местам, согласно стартовому расписанию!

– Но, Капитан... – начал было Механик.

– По местам. Встречаемся в кают-компании через два часа двадцать восемь минут.

Два часа двадцать восемь минут прошли быстро для Капитана и Штурмана и медленно для остальных. Но прошли.

И ровно по истечению этого Капитан (Штурман остался на вахте), Механик, Доктор и Оружейник при относительном параде (душ, чистые комбинезоны, бритье, одеколон) явились в кают-компанию.

«Пахарь», набирая скорость, лёг на заданный курс, и теперь в ближайшие несколько дней экипаж ему был практически не нужен. Однако вахты никто не отменял и даже ради такого редчайшего случая, как появление на борту Чрезвычайного и Полномочного Посла Лируллы – да ещё и женского пола! – Капитан не сделал исключения. Впрочем, Штурман по этому поводу не очень переживал. Он был рад, что всё обошлось, корабль не арестовали, и они летят домой.

А за встречей в кают-компании прекрасно можно наблюдать из рубки, – на то и видеосвязь.

Итак, Капитан, Механик, Доктор и Оружейник вошли в кают-компанию и... замерли на пороге.

Навстречу им из кресла поднялась женщина.

При взгляде на неё Капитан отчего-то тут же вспомнил покойную тётку – старшую мамину сестру, у которой воспитывался с двенадцати лет вплоть до совершеннолетия (его мама умерла молодой, а отца он не знал совсем).

Механик – свою первую учительницу в начальных классах.

Доктор – главврача больницы, в которую он пришёл работать сразу после института.

А Оружейник... Оружейник не вспомнил никого конкрет-

но, но тоже оторопел, потому что ему показалось, что эту женщину он знает всю свою жизнь. Знает, уважает и немного побаивается.

Кстати, Штурман потом признался, что при первой непосредственной встрече с Вишней, ему показалось, что перед ним мама той девушки, в которую он был влюблён в возрасте шестнадцати лет. Только постаревшая.

И даже Умник много позже заявил в случайном разговоре, что Вишня ему сразу напомнила пожилую и опытнейшую женщину-программиста, которая проводила с ними, только что собранными корабельными роботами, окончательные тесты перед отправкой по месту назначения.

Женщине, поднявшейся им навстречу из кресла, было на вид около восьмидесяти. При средней продолжительности жизни 120 лет – это не считалось (да и не было!) старостью, но и молодым в таком возрасте мог бы назвать человека только самый отъявленный и бесстыжий льстец.

Была она довольно высокой (пожалуй, только Механик и Доктор превосходили её ростом), и её массивная плоскогрудая фигура, одетая в простое длинное светло-кремовое платье, производила странное впечатление ожившей скульптуры гениального мастера.

Смуглая, с тёмно-красным отливом кожа, покрытая морщинами в обычных для восьмидесятилетнего возраста местах, в тоже время удивительным образом не выглядела потрёпанной жизнью, – у пожилых людей кожа имеет более,

так скажем, рыхлую фактуру, без характерного матового и гладкого отсвета, свойственного коже молодой и здоровой.

Светло-карие с зелёными крапинками кругловатые глаза, чуть приплюснутый маленький нос, длинные, как бы слегка вывернутые губы, короткий ёжик русых, с обильной проседью волос.... Это лицо не было красивым, но вызывало симпатию, и на него было приятно смотреть.

– Здравствуйте, – сказала она низким шелестящим голосом и засмеялась. – Вы, я вижу, удивлены? Ну, как у вас говорят, это ничего. Можно познакомиться и заново. Меня зовут Вишня и я лечу с вами в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Лируллы на Землю. Мне подумалось, что если я изменю свой внешний вид на более вам привычный, то нам будет легче общаться и приходить к взаимопониманию. Как вы считаете?

– Здорово! – воскликнул Оружейник. – Как вы это делаете?

– О, это умение врождённое. Вы знакомы с историей развития цивилизации на Лирулле?

– Э-э... в общих чертах, – сказал Каптан. – Мы знаем, что вы умеете кардинально менять свой облик. Но одно дело знать, а совсем другое видеть собственными глазами.

– Да, – сказал Доктор. – Это впечатляет. Должен заметить, уважаемая Вишня, что ваш новый облик лично мне очень импонирует. Позволено ли мне будет задать вопрос?

– Ну зачем же так официально, – улыбнулась Вишня. –

Да вы присаживайтесь, господа, а то что мы стоим, как на каком-нибудь дипломатическом приёме... В конце концов, я здесь только гостя. Что касается вопросов, то можете задавать любые, не стесняйтесь, прошу вас.

– Обед подавать? – спросил, появившийся в дверях Умник. – Уже время.

– Отобедаете с нами? – осведомился Капитан. – Или вам наша пища не подходит?

– Отчего же, – садясь в кресло (было заметно, что это движение ею пока мало отработано) ответила лируллийка. – Ваша органика мне вполне подойдёт. Мы ведь тоже всеядны, как и вы. С удовольствием разделю с вами и эту и все последующие трапезы. Надеюсь моё появление не нанесёт серьёзного урона вашим пищевым запасам?

Механик захохотал.

– Ну что вы, – покраснел Капитан, – запасов у нас вполне достаточно. Хватит на всех.

– Замечательно, – кивнула Вишня и, обращаясь к Доктору, спросила:

– Вы, кажется, хотели задать вопрос? Кстати, я до сих пор не знаю, как вас зовут и...

– О, тысяча извинений! – снова покраснел Капитан и поспешно поднялся со стула, на который уже было присел в ожидании обеда. – Меня можно звать Капитан. Позвольте вам также представить остальных. Механик, Доктор, Оружейник. Робота, которого вы только что лицезрели, зовут

Умник, а в рубке сейчас на вахте Штурман. Вы с ним познакомитесь, когда он сменится.

– Очень приятно. Но, позвольте, насколько я понимаю это не имена, а должности?

Капитан погладил затылок и вопросительно посмотрел на Доктора.

– Да, это, разумеется, не имена, – сказал Доктор. – Но мы привыкли называть себя именно так. И все нас тоже так называют: Капитан, Штурман, Механик, Оружейник и я, Доктор, к вашим услугам. Этой традиции много лет, мы привыкли и нам нравится.

– Что ж, – улыбнулась Вишня, – мы, лируллийцы, очень хорошо понимаем, что такое традиции. Так о чём, всё-таки, вы собирались меня спросить, Доктор?

– Да, конечно. Я хотел спросить следующее. Вот этот ваш теперешний облик, он произвольный или вы копировали какую-то конкретную личность? А то мне все кажется, что я вас уже где-то и когда-то видел.

– И мне, – сказал Капитан.

– И нам, – добавили Механик с Оружейником.

Вишня засмеялась, будто летний ветерок прошелестел невидимыми листьями.

– Значит мой новый облик удался, – сказала она. – Нет, разумеется, ни с какой конкретной человеческой личности я его не копировала. Просто мне хотелось выглядеть наиболее естественно. Так, чтобы моя новая форма наиболее соответ-

ствовала внутреннему содержанию. Я ведь на самом деле уже не очень молода, поэтому вы и видите перед собой пожилую женщину. Ну, а всё остальное... Фантазия, воображение и не более того.

Тут Умник вкатил тележку с обедом, и разговор на время прервался.

Когда Умник подал кофе и чай (Капитан, Механик и Оружейник предпочитали пить после обеда кофе, а Штурман и Доктор чёрный листовой чай. Чай выбрала и Вишня), Капитан сказал:

– Э-э... госпожа Вишня...

– Просто Вишня, пожалуйста.

– Обязательно. Просто сразу трудно привыкнуть. Всё-таки Чрезвычайный Посол... Так вот. Вы, помнится, обещали рассказать, почему для своей миссии выбрали именно наш корабль.

– Да, конечно – Вишня поставила на стол чашку, – я помню. Ничего странного в этом нет, если учесть, что я не просто посол, а Посол Чрезвычайный. Нам не хотелось афишировать моё прибытие на Землю. Именно поэтому и был выбран ваш корабль. Но не только поэтому. По другим соображениям тоже.

– Это каким же? – полюбопытствовал Оружейник.

– Во-первых, ваш корабль оказался одним из немногих земных кораблей, который в нужное время оказался в нужном месте. Во-вторых, это обычный грузовик и он по опреде-

лению не может к себе привлечь ничье особое внимание. Ну, а в-третьих, ваш корабль и его экипаж достаточно известны в галактике умением выпутываться из самых тяжёлых и безвыходных ситуаций, буде они возникают. То есть соображение о собственной безопасности и безопасности моей, как вы справедливо изволили заметить, миссии сыграли в принятии решения не последнюю роль.

– Безопасность, – хмыкнул Капитан. Было заметно, что слова Вишни ему явно польстили. – Взяли бы ваш обычный лируллийский патрульный крейсер, и была бы вам обеспечена абсолютная безопасность.

– Да, – возразила Вишня. – Но при этом была бы утрачена должная... конфиденциальность. А она, поверьте, в нашем случае необходима. Предваряя ваш следующий вопрос, скажу, что, разумеется, по причинам всё той же конфиденциальности, не могу посвятить вас в детали моей дипломатической миссии. Но она очень важна. Как для Земли, так и для Лируллы. Она настолько важна, что мы, как видите, даже не стали пользоваться для её осуществления дальнейшей связью. Любое электронное сообщение можно перехватить. Разумное же существо, несущее сообщение, перехватить гораздо сложнее. Особенно, когда не знаешь, что это существо отправилось в дорогу.

– Н-нда, – почесал в затылке Капитан, – признаюсь, вы нас заинтриговали. Но со своей стороны могу вас заверить, что мы не собираемся выведывать ваши дипломатические тайны

и сделаем все, чтобы доставить вас на Землю в целости и сохранности. И с максимальным комфортом.

– Нисколько в этом не сомневалась, – наклонила голову Вишня. – Рада, что не ошиблась в своём выборе.

Капитан покраснел и уткнулся в свою чашку с кофе.

Вишня оказалась совершенно необременительным пассажиром. Более того. После её появления на борту, экипаж даже на время как бы забыл о том, что несколько месяцев не был дома. С ней было интересно беседовать, и она всегда находилась в ровном доброжелательном настроении. А беседовать им нашлось о чём. Знания экипажа «Пахаря» о лируллийцах до этого ограничивались тем, что можно было прочесть в «Кратком справочнике рас и цивилизаций галактики», а также популярных статейках массовых изданий, предназначенных для никогда не покидающего Землю обывателя. Отношение же к ним, то есть то, что можно назвать чувствами, складывалось из тех слухов, сплетен и легенд, которыми полны все космопорты обитаемых планет, и в которых экипаж «Пахаря» и проводил большую часть времени, когда не находился в Пространстве. Собственно, это отношение ничем не отличалось от общего отношения землян к лируллийцам и наоборот. А о том, какими эти отношения были, мы уже упоминали.

Теперь же, когда Капитан, Штурман, Механик, Доктор, Оружейник и робот Умник поближе познакомились с одним

из представителей этой древнейшей галактической расы разумных, их чувства к лируллийцам претерпели значительные, если не сказать кардинальные, изменения. Равно, как и знания о Лирулле и её обитателях.

В лице Вишни они нашли замечательного рассказчика, всегда готового поделиться своими знаниями, соображениями по тому или иному вопросу, а то и просто поболтать на отвлечённые темы. Правда, при общении с лируллийкой, люди никак до конца не могли избавиться от некоторой робости, связанной с тем, что было Вишне полных, как она сама однажды призналась, пятьсот шестьдесят лет по земному счёту. Подобный возраст разумного существа представить себе было практически невозможно, а то количество знаний и мудрости, которое при хорошей памяти и добронравии (и тем, и другим госпожа Чрезвычайный Посол обладала в полной мере) можно за это время в себе накопить, с трудом поддавалось человеческому воображению.

Так прошло пять дней, и за это время «Пахарь» набрал достаточную скорость для перехода в гиперпространство.

А на шестой день, утром, за полчаса до перехода, они попали в гравитационный шторм.

И не просто шторм, а самый настоящий ураган.

Такое случается иногда. По неизвестным причинам (на этот счёт есть масса гипотез, но ни одна из них не может пока эти причины убедительно выявить и объяснить) гравитационное поле в данной конкретной точке пространства (та-

кая «точка» занимает иногда объем с радиусом в пару-тройку световых часов, а то и больше) вдруг начинает резко и хаотично менять свой потенциал, заставляя корабельные гравикомпенсаторы работать с предельной нагрузкой...

Первые земные корабли которые выходили в межзвёздное пространство без гравикомпенсаторов (гравитационные штормы всегда случаются за пределами звёздных систем, в открытом Пространстве), попадая в эти неожиданные возмущения гравитационного поля, бывало, гибли, буквально разорванные на части или смятые в бесформенный ком пластика, керамики и металла. Да и не только земные. Хорошо было то, что шансы корабля угодить в гравитационный шторм не превышали по статистике одного к тысяче. А плохо, что даже при наличии мощных гравикомпенсаторов, корабли, попавшие в такой шторм, бывало, гибли.

«Пахарю», как всегда, повезло. И даже повезло дважды. Во-первых, он уже набрал скорость для перехода в гипер, а во-вторых, в рубке как раз находились Капитан и Штурман, что позволило практически мгновенно принять единственно правильное решение.

Когда корпус «Пахаря» в буквальном смысле застонал от перегрузок, приборы сошли с ума, а сигнал тревоги взвыл, словно ошпаренный кипятком пёс, Капитан тут же понял, что ещё десяток-другой секунд и никакого решения принимать вообще не понадобится. Некому будет и не для кого. Капитан быстро посмотрел на Штурмана, Штурман на Капи-

тана, и оба они одновременно кивнули друг другу.

И тогда Капитан протянул руку и активировал гипердвигатель в форсированном режиме.

– Курс нестабилен, – тут же отозвался бесстрастным голосом бортовой компьютер. – Подтвердите активацию.

Капитан подтвердил.

– Выполняю, – Капитану и Штурману показалось, что компьютер хотел сказать: «Дело, конечно, ваше, но не говорите потом, что я вас не предупреждал».

Включился пятисекундный обратный отсчёт (в обычном режиме он занимал полминуты), а за две секунды до перехода, очередной спазм взбесившегося гравитационного поля чуть не вывернул «Пахарь» наизнанку, окончательно вышибив дух из работающих на пределе гравикомпенсаторов.

С противным треском лопнули привязные ремни, и Капитан, вылетая из кресла, краем глаза ещё успел заметить, как стремительно гаснет звёздная россыпь на обзорном экране. «Переход!» – мелькнула радостная мысль, после чего его голова пришла в соприкосновение с переборкой, и всякие мысли в ней на некоторое время перестали появляться вообще.

Глава третья

– Ну, что? – спросил Капитан и двумя руками ощупал повязку на голове.

Под повязкой болело. Капитан неприязненно покосился на солидную вмятину в переборке прямо над пультом управления и снова перевёл взгляд на Механика. Механик молча шагнул к свободному креслу, уселся, со вздохом вытянул длинные ноги чуть ли не на середину рубки и закурил.

Экипаж молча ждал.

– Гипердвигатель – штука хрупкая, – сказал Механик. Он старался ни на кого не смотреть, но выходило плохо, – в относительно небольшом помещении рубки собрались все, включая Вишню. – Максимум, что он может выдержать – четыре «ж». И то, если плавно. А здесь было, наоборот, резко. И не четыре, а все шесть.

– И...? – не выдержал Оружейник.

– И звездац, – сказал Механик. – Извините, госпожа Вишня.

– Ничего, – сказала Вишня, – я понимаю.

– Это теперь не движок. Это дрова. То есть, я хотел сказать металлолом. Балласт. Хлам.

– А починить? – агрессивно выпятил нижнюю челюсть Штурман.

Механик вздохнул. Он понимал, что все всё понимают,

но, однако, продолжают надеяться на чудо.

И хотят, чтобы им объяснили, подумал он. Они все знают, но все равно хотят услышать объяснения. Из уст специалиста, так сказать. Просто мазохизм какой-то, честное слово. А может, наоборот, не мазохизм, а желание осознать ситуацию полностью и до самого конца? Да, тут уж без доходчивого комментария специалиста не обойтись....

– Вы же знаете, ребята, как устроен гипер, – сказал он терпеливо. – Самая важная деталь в нём – сигма-коррелятор. Или просто контур. Она же и самая нежная. Без коррелятора двигатель, как я уже сказал, просто куча железа, пластика, кремния и жидких кристаллов. Починить коррелятор невозможно. Всё остальное – запросто, а его – нет. Его можно только заменить. Или сделать заново. Заменить нечем. Потому что два запасных рассыпались точно также, как и рабочий. Удивительно ещё, как мы сами не рассыпались вместе с ними. Гравикомпенсаторы тоже ведь ... того, хоть их-то как раз починить можно. Если бы не успели нырнуть.... Вообще-то, случилось, как я понимаю, самое настоящее чудо. Получается, что контур, уже накрываясь медным тазом, за какую-то тысячную долю секунды до гибели, успел выполнить свою главную и единственную функцию. А именно – перебросить нас вместе с кораблём в гиперпространство. Целыми, между прочим, и невредимыми. За что ему и вечное спасибо.

– Вот именно, что вечное, – сказал Оружейник. – Что мо-

жет быть ближе к вечности чем гиперпространство? В философском, так сказать смысле.

– Философ... – хмыкнул Доктор. – А помните, мы когда-то починили гипер простым и действенным способом? Ну, когда разогнались, а потом резко тормознули...

– Не надо себя обманывать, – вздохнул Капитан и снова ощупал голову. – Тогда контур был цел. И оба запасных тоже.

– И вообще всё было наоборот, – добавил Механик. – Мы тогда в обычном пространстве находились, а нам нужно было в гипер нырнуть.

– Да я понимаю, – сказал Доктор. – Просто вспомнил.

Экипаж притих. Каждый вдруг отчётливо понял, что на этот раз они, как говаривали предки, попали. Всерьёз и надолго. Если не навсегда.

Отнюдь не радостное молчание нарушила Вишня.

– Господа, – она улыбнулась всегдашней своей доброжелательной улыбкой. – Вы, надеюсь, помните, отчего я выбрала именно ваш корабль? О ваших приключениях и способности выпутываться из самых безнадежных ситуаций легенды ходят по галактике. Я, конечно, не специалист, но уверена, что вы что-нибудь придумаете. Не будем отчаиваться. Воздуха у нас хватит надолго, продуктов тоже, друг другу мы ещё смертельно не надоели. А всё остальное.... Поживём – увидим. Кажется так вы, люди, говорите? Очень мне нравится эта ваша поговорка, какая-то она совсем лируллийская.

– Оптимизм – штука хорошая, – сказал Штурман. – А ги-

перпространство – штука непознанная и непредсказуемая. Если даже мы каким-то чудом из него выскочим, то, боюсь, даже богу не будет известно, где именно мы окажемся.

– Вот когда выскочим, – проворчал Капитан, тогда и оглядываться будем. – А пока... пока неплохо бы пообедать. Не знаю, как вы, а я со всеми этими волнениями изрядно проголодался!

Словно вагоны бесконечного товарняка, потянулись дни. Сказать, что экипаж «Пахаря» скучал – это ничего не сказать. Гиперпространство вообще имеет свойство угнетать психику человека. Неделя-две ещё ничего. Но затем незаметно подкрадывается апатия, наваливается всеобъемлющая лень, исчезают мысли и притупляются чувства. Даже инстинкты становятся какими-то ненастоящими и теряют свою глубинную суть. Опытные космонавты умеют с этим бороться – так старый пьяница знает, что делать с многодневным похмельем, – гораздо хуже приходится новичкам. Впрочем, новичков на борту «Пахаря», к счастью, не было.

Те же лируллийцы, кстати, переносят гиперпространство легко, их гораздо больше нервирует обычный космос. Оно и понятно, – в космосе особенно чувствуется враждебное расстояние до родного дома, где под ногами-корнями мягкая земля, а над руками-ветвями глубокое доброе небо. Человек тоже привязан к земле, но, согласитесь, если вы наполовину растение, то *ваша* привязанность к этой самой земле будет

иметь несколько иной характер. А гиперпространство.... В нём нет расстояний и, возможно, времени тоже нет.

Время, как количественное выражение происшедших изменений (в живых существах и материальных предметах), существует лишь здесь, внутри металлокерамической оболочки грузовика класса С «Пахарь», а там, за бортом.... Ровный серый свет ниоткуда, который совершенно не с чем сравнить. Ничто, оно и есть ничто. А если за бортом ничто, значит дом твой сейчас тут, внутри этой металлокерамической оболочки, где есть воздух, пища и добрые товарищи, которые хоть и не твои соплеменники, но тоже разумны и вполне достойны, если не любви, то хорошего отношения. Тем более, что им сейчас хуже чем тебе.

Так или примерно так думала Вишня, когда вечером, на тридцать восьмые сутки их стремительного дрейфа в никуда, после ужина, вся команда (вахты за ненадобностью Капитан отменил вплоть до особого распоряжения) по обыкновению расположилась в кают-компании с бокалами «Милого Джона» в руках.

Тридцать восемь суток в гиперпространстве – это много. Это много даже по обычным меркам, потому что среднее время нырка – одна-три недели. Меньше недели – короткий нырок, больше трёх – длинный. И это, когда экипаж знает, что рано или поздно нырок закончится. А вот если идёт уже шестая неделя, и впереди затаилась вечность....

Но была Вишня, в присутствии которой экипаж невольно

подтягивался и гнал прочь хандру и уныние. Был корабельный робот Умник, непревзойдённый мастер приготовления лучшего в мире лекарства от гиперпространственной тоски – коктейля «Милый Джон». Были, в конце концов, опыт и мужество.

Не было только одного – выхода из этой безнадёжно скучной и в, конечном счёте, смертельно опасной для здоровья и жизни ситуации.

– Хороший коктейль, – сказал Механик, отхлебнув из бокала. – Впрочем, он всегда хороший. Всё-таки наш Умник – удивительный робот. Второго такого нет на всём космолоте.

– Плохо только, что всё кончается, – заявил Оружейник. – Продуктов-то у нас до фи́га, а вот как обстоят дела со спиртным? Безалкогольный «Милый Джон» – это всё равно, что любовь без секса.

– Вечно ты паникуешь, – сказал Доктор. – Спирт можно выгнать практически из любой органики растительного происхождения, которой у нас, как ты справедливо изволил заметить, навалом...

Механик захохотал и поперхнулся коктейлем.

– В чём дело? – не понял Доктор.

Капитан, сдерживая улыбку, показал ему глазами на Вишню, которая с невозмутимым видом изучала содержимое своего бокала.

– Э-э...а-а... я вовсе не имел в виду госпожу Вишню... –

начал было Доктор и умолк, потому что теперь хохотали все. Включая госпожу Вишню.

Настроение поднялось. Быстро оправившийся от смущения Доктор, поведал собравшимся историю о том, как лет пятьдесят назад экипаж грузопассажирского корабля «Танаис», совершавшего регулярные рейсы между Землёй и колонией Нова Слава, в течении долгого времени постоянно обогащался, продавая колонистам, запрещённый на Нова Славе контрабандный алкоголь.

– Собственно, это нельзя было назвать контрабандой, – рассказывал Доктор. – Потому что никакого алкоголя с Земли не везли. Тщательные осмотры таможенной службой корабля на Земле и ещё более тщательные в порту Нова Славы ни разу не обнаружили ни единого контрабандного грамма спиртного. И тем не менее спиртное на продажу у «Танаиса» было. И в больших количествах. Экипаж гнал спирт прямо на борту во время пути, который занимал вместе с разгоном и торможением ровно сорок два дня. Трудовые декалитры прятали в запасных баках аварийных модулей, горючее из которых, разумеется, предварительно сливали. Ну а потом, когда «Танаис» торчал в порту на разгрузке, профилактике и погрузке, а контроль над кораблём и экипажем значительно слабел, скачать из баков и вывезти драгоценную влагу за пределы порта было делом техники. Самое забавное же заключается в том, что всё это совершенно случайно раскрылось уже после того, как Нова Слава был отменён жесточай-

ший сухой закон.

– Поучительная история, – заметила Вишня, когда Доктор закончил. – Она говорит, по-моему мнению, о том, что человек, равно, как и любое другое разумное существо, всегда найдёт выход из положения... О, простите, господа, я не хотела намекать на наши печальные обстоятельства.

– Ничего, – пожал плечами Капитан, – Намекай, не намекай, а обстоятельства все рано никуда не денутся. В нашем положении поиски выхода уже вряд ли к чему-нибудь приведут. Тридцать восемь дней уже ищем... Хотя искать, конечно, надо. Пока живы.

– Опять же и делать все равно больше нечего, – сказал Штурман.

– Эх, не знаю, как вы, – воскликнул Оружейник, – а я надеюсь на чудо! Вдруг случится чудо, и мы все будем спасены.

– Это на какое же такое чудо ты надеешься? – с подозрением осведомился Доктор.

– Ну, не знаю... – покосился на Доктора Оружейник и, помолчав, негромко добавил. – Например, на Человека-Т.

– О-па, – сказал Механик, – начинается. Умник, срочно двойной усиленный «Милый Джон» Оружейнику!

– А что, – умиротворённо заметил Капитан. – Почему бы не помечтать? Я Оружейника как раз очень хорошо понимаю. Сам уже мозги сломал на всём этом. И ведь как было бы хорошо! Появился Человек-Т и всех спас. Эх, жаль, право, что он всего только легенда.

– Кто это – Человек-Т? – заинтересованно спросила Вишня. – И что за легенда? Расскажите, пожалуйста, мне очень интересно.

На пороге кают-компании появился Умник с одним бокалом «Милого Джона» в манипуляторах и спросил:

– Кому, говорите, двойной усиленный?

– Отставить двойной усиленный, – махнул рукой Капитан. – А принеси-ка ты нам, дорогой, ещё по одному обычному. На всех.

– Не много вам будет? – осведомился Умник. – Как-никак триста миллилитров в каждом бокале. При тех градусах, которые....

– Р-разговорчики! – сделал вид, что рассердился Капитан. – Выполнять. Кру-гом!

– Моё дело – предупредить, – сказал Умник и величественно удалился на камбуз.

– Бокал оставь! – запоздало крикнул вслед Оружейник, но ответа не получил.

– Итак? – закинула ногу за ногу Вишня, поудобнее устраиваясь в кресле. – Дама ждёт рассказа, между прочим.

– Всё-таки вы делаете поразительные успехи, – заметил Доктор. – Вас теперь совершенно невозможно отличить от человека.

– А сразу было возможно? – Вишня отпила из бокала и поставила его на стол изящным точным движением.

– Сразу – да. То есть, внешний вид идеальный. Но движе-

ния и, я бы сказал, общая повадка... Чувствовалась в ней некая скованность и наигранность. Особенно, когда вам приходилось садиться, вставать или просто подолгу сидеть. Для человека сидеть и лежать – естественное состояние, для вас же, лируллийцев, наоборот. Вот и видно было, как вам трудно.

– Я старалась, – сказала Вишня. – И должна заметить, что мне даже стало нравиться эти положения вашего тела. Действительно, очень удобно. Но вы зря пытаетесь уйти от темы, всё равно я не забуду, и не надейтесь.

– Да я уже знаю, что рассказывать всё равно мне придётся, – притворно вздохнул Доктор. – Хотя эту легенду знают все.

– Как же все... Я, например, не знаю. А вам, разве, не хочется рассказать её для меня?

– Хочется, хочется, – подмигнул Вишне Механик, – просто так у прирождённых рассказчиков принято испокон веков. Сначала нужно как бы дать себя уговорить, понимаете? А то получится, что он сам напросился, а это неправильно. И самооценка страдает, и у слушателей меньше уважения.

– Эй! – воскликнул Доктор. – А ну-ка прекращай выдавать профессиональные тайны!

– Подумаешь, тайна! – весело фыркнула Вишня. – У нас, лируллийцев, то же самое.

– Ну, раз то же самое, – сказал Доктор, – тогда слушайте. Есть у нас, космонавтов, древняя легенда о Человеке-Т.

Этой легенде уже лет, наверное, двести с лишним. То есть столько же, сколько активному освоению человечеством космического пространства. Первые упоминания о Человеке-Т, насколько я знаю, восходят ещё к тем временам, когда мы начали путешествовать по Солнечной системе. Легенда гласит, что безнадёжно терпящий бедствие космолёт, всегда может рассчитывать на помощь Человека-Т. Когда умирает последняя надежда, и космонавты понимают, что уже никто и ничто их не спасёт и пора готовиться к смерти, непонятно откуда на борту появляется Человек-Т. Никто никогда не видел его лица, потому что он всегда облачён в древний скафандр с зеркальным шлемом. Он спрашивает у капитана или у тех, кто пока ещё жив, что именно случилось и после этого спасает корабль и людей. Причём спасает по-разному, в зависимости от обстоятельств. Иногда он доставляет на борт несколько баллонов с жидким кислородом, чтобы экипаж и пассажиры, если они есть, могли продержаться те самые несколько часов, за которые успеет прийти помощь. Иногда говорит, что сходит за помощью сам и исчезает. А помощь через некоторое время действительно приходит. При этом некоторые члены экипажей спасательных кораблей потом иногда проговариваются (по официальной-то версии они получают от терпящих бедствие вполне обычные «мэйдэй» и SOS), что перед ними вдруг из ничего появлялся вполне осязаемый человек в древнем скафандре с зеркальным шлемом и приводил неопровержимые доказательства

того, что в таком-то сегменте погибает такой-то корабль и не может сам попросить о помощи. Обычно это была запись на плёнку, которую перед этим человек просил сделать капитана гибнущего корабля. В общем, чего только не рассказывают. Я, например, слышал историю о том, как Человек-Т спас четверых оставшихся в живых космонавтов после взрыва реактора на космолёте «Гермес». Эти четверо были на момент взрыва в скафандрах и находились за бортом, производя какой-то мелкий ремонт. Сам «Гермес» крутился на высокой орбите вокруг кислородной и малоисследованной планеты, будущей потенциальной колонии Земли. Погибли все, кроме этих четверых. Но и они бы отправились вслед за своими товарищами немногим позже, потому что в обычном скафандре, как вы понимаете, даже с ранцевым двигателем за плечами, совершить посадку на планету с плотной атмосферой и приличной силой тяжести невозможно даже теоретически. Этим четверых разбросало на приличное расстояние друг от друга, и они как раз занимались тем, что по рации каялись друг другу перед смертью в грехах (кислорода в скафандрах оставалось на пару часов), когда появился Человек-Т. Он-то их и спас. Дело в том, что после взрыва уцелел космокатер, на котором, разумеется, был запас кислорода и установка дальней связи. Но четверо наших везунчика об этом не догадывались. А если бы и догадывались, то... где они и где тот катер? В общем, не видели они его. А Человек-Т увидел. И транспортировал всех по очереди к

этому самому катеру. Ткнул, можно сказать, носом прямо в переходной шлюз. Ткнул, дождался пока все перебрались внутрь, и пропал. Они ему даже спасибо сказать не успели. Естественно, когда прибыла помощь, четвёрка отважных не стала распространяться о случившемся, а просто сообщила, что в момент взрыва как раз и находилась внутри катера и проводила очередные профилактические работы.... Психически ненормальным никому не хочется оказаться, верно? Это потом уже, через годы, у людей развязываются языки. Да и как не рассказать при случае да за хорошим стаканом захватывающую байку своему же брату-космонавту?

– Так байку или был? – очень по-человечески приподняла бровь Вишня (за последние недели она не только правильно сидеть и двигаться научилась, но и замечательно освоила людскую мимику). – А то вы, Доктор, так хорошо рассказываете, что я почти готова во всё это поверить.

– Доктор у нас по этой части мастер, – гордо заявил Оружейник. – Не говоря уже о том, что и врач отличный. Он даже один раз выиграл чемпионат флота по космическим байкам.

– Какой-какой чемпионат? – изумилась Вишня.

– Чемпионат флота по космическим байкам, – любезно пояснил Капитан. – Есть у нас такое... э-э... неофициальное мероприятие.

– Немедленно расскажите! – потребовала Вишня. – А потом вернёмся к легенде о Человеке-Т.

– Да тут и рассказывать-то особенно нечего, – сказал Ка-

питан. – Раз в два года на Луне в знаменитом баре «Коньячный Путь», что расположен в Тихо Сити, собираются лучшие трепачи земного космофлота и травят байки.

– Тра-вят бай-ки, – медленно повторила вслух Вишня. – Это как?

– Жаргон, – пояснил Механик. – В переводе на нормальный язык означает «рассказывают истории». Они, значит, рассказывают, а компетентное жюри судит. А потом определяет победителя. Учитывая мнение слушателей. Слушатели же – чуть ли не весь космофлот, потому что рассказы эти транслируются на все корабли, которые в этот момент находятся в пределах досягаемости дальней связи. Там куча всяких правил, главное из которых – не повторяться и не повторять других. То есть, если кто-то уже рассказал эту историю, ты её рассказывать не имеешь права.

– И вы, Доктор, были чемпионом? – с уважительным восхищением осведомилась Вишня. – Это же, наверное, очень трудно!

– Мне просто повезло, – чуть поклонился Доктор.

– Не скромничайте, не скромничайте, – погрозила ему пальцем Вишня, на которую «Милый Джон» уже явно оказал своё благотворное воздействие (лируллийский организм усваивал алкоголь быстрее чем человеческий), – я всё-таки пристально изучала вашу историю и знаю, что вы, люди, очень любите устраивать всяческие соревнования и относитесь к ним со всей серьёзностью... Так что там было дальше

с этим вашим Человеком-Т?

– С ним – ничего, – сказал Доктор. – Он как был легендой, к сожалению, так и остался.

– Я, между прочим, – сказал Оружейник, – лично знал одного бармена, который тоже лично знал одного космотуриста, спасённого Человеком-Т.

– Ну да, – усмехнулся Механик. – Разумеется, бармена. Кого же ещё? Они всегда все знают!

– Ты хочешь сказать, что я вру? – обиделся Оружейник.

– Упаси боже! Просто я знаю, что на любую историю любого бармена в обитаемой вселенной необходимо давать некоторую поправку. Назовём её поправкой на память и воображение.

– Нет, нет, прошу вас! – воскликнула Вишня. – Мне очень понравилась эта легенда, не надо разрушать очарования! А то вы сейчас все рационально объясните, и она исчезнет.

– Вот уж не думал, – улыбнулся Доктор, – что лируллийцы столь мечтательны и романтичны. Я почему-то думал, что эти качества больше свойственны нам, людям.

– Во-первых, – совершенно человеческим жестом загнула к ладони мизинец Вишня, – я лируллийка. По-вашему, женщина. Да и по-нашему тоже. А разумное существо женского пола любой расы менее, скажем так, рационально чем существо пола мужского. И более интуитивно. Ну, а во-вторых, не забывайте, что я в человеческом теле и среди вас, людей, провела уже достаточно много времени, чтобы успеть пере-

нять хотя бы частично ваш образ мыслей и чувств.

Так они и провели этот вечер, беседуя, смеясь и подшучивая друг над другом. Им даже удалось на короткое время забыть о том, то завтра их ждёт ещё один безнадёжный день в череде дней прошедших и будущих.

Глава четвёртая

Механик проснулся среди ночи. В каюте, как и положено «ночью», было темно, только помаргивали жёлтым и зелёным огоньки индикаторов на ПКП (персональный коммуникационный пульт), да сквозь неплотно прикрытую дверь просачивался из общего коридора приглушённый на время сна свет.

Проснулся Механик с тревожно-странным ощущением того, что его разбудило какое-то внешнее воздействие.

Звук?

Да, кажется, это был звук. Посторонний звук.

Механик знал наизусть все звуки, которые могут возникнуть ночью на корабле. Да и днём тоже. За годы и годы, проведённые в космосе на борту «Пахаря», он научился не только легко идентифицировать любой шум на корабле, но и определять на слух многие неисправности. Корабль в этом смысле напоминает живое существо, у которого при болезни учащается сердцебиение и дыхание становится тяжёлым и хриплым. И ещё Механик совершенно точно знал, что посторонний звук, звук, природу которого он точно и сразу не может определить, может означать только одно: опасность.

Собственно, этому Механика ещё в детстве научил его прадед, человек лесной, таёжный, не переносящий на дух города и большинства достижений цивилизации. Такие люди,

наверное, будут всегда. Они не хотят быть «как все», живут своей, только им понятной жизнью и чувствуют себя прекрасно, тем более, что свой образ жизни никому не навязывают. В детстве родители Механика часто оставляли сына на лето в глухом таёжном углу, где тот под руководством прадеда учился бесшумно ходить по лесу, ловить рыбу с помощью подручных средств, разжигать костёр в самую дождливую погоду. И различать таёжные звуки прадед учил правнука тоже. Вот бурундук прошуршал в свою норку, вот крикнула тревожно лесная птица, а вот и ветка сухая неосторожно хрустнула под лапой медведя. «Знакомый звук не страшен, – учил прадед, – потому что ты знаешь, что он означает и всегда успеешь подготовиться, даже если впереди тигр или медведь. Страшен звук незнакомый. Его бойся и будь вдвойне осторожен!».

За долгую жизнь Механик неоднократно имел повод убедиться, что прадед был прав. Космос, разумеется, не тайга, но если посмотреть шире, философски, так сказать, посмотреть, то... В общем, что касается знакомых и незнакомых звуков, ничем тайга от космоса не отличается.

Итак, был звук. Словно что-то сначала прошелестело, а потом едва слышно щёлкнуло....

Механик сел на койке и прислушался. Нет, все тихо. Или он уже слышал когда-то нечто подобное? Когда-то очень давно.... Он проснулся окончательно и постарался вспомнить. Зажечь, может, свет? Нет, в темноте память работает лучше.

Тонкий, на грани свиста, шелест и затем щелчок. Шелест – щелчок...

И тут он вспомнил.

Именно с таким звуком открывалось и закрывалось спектролайтовое забрало в шлеме давным-давно устаревшего скафандра типа «Скаймен», устройство которого он изучал на первом курсе Высшего Инженерно-космического училища бог знает сколько лет назад.

Что же получается, размышлял Механик, влезая в комбинезон и ботинки, мы тут спим, «Пахарь» в гиперпространстве, а по кораблю кто-то шляется в скафандре «Скаймен», который сейчас можно найти разве что в Музее Космонавтики? Или я ошибся, и это был какой-то другой звук? Ч-черт, может, просто нервы шалят, а я тут начну сейчас изображать из себя свихнувшегося Шерлока Холмса. Доктора разбудить... А при чём здесь Доктор? Звук-то я слышал или нет? Хм-м, вроде, слышал. А может, он мне только приснился. В любом случае посмотреть самому и все проверить никогда не помешает. Даже, если таким образом я напрямую потакаю собственному безумию. Именно безумию, потому что я совершенно точно знаю, что на борту *нет* скафандров типа «Скаймен», а значит, и ходить в них некому. Не говоря уже о том, что хождение в *любом* скафандре по находящемуся в гиперпространстве кораблю, – это полная шизофрения. Если, конечно, реактор не течёт. А он не течёт. Иначе бы аварийная сирена давно уже... Или?!

Механика буквально подбросило, и через секунду он уже сидел перед экраном ПКП и набирал запрос корабельному компьютеру. Ещё через секунду был получен ответ, из которого следовало, что реакторный отсек в полном порядке. Механик успокоился, подумал и набрал следующий запрос. А получив ответ, запустил обе пятерни в свои жёсткие чёрные волосы и яростно почесал голову. Ответ гласил: «Десять минут назад человек в скафандре «Скаймен» вышел из кают-компания и проследовал к отсеку гипердвигателя».

«Идентификация», – набрал Механик.

«Не идентифицируется», – высветился ответ.

Поднять тревогу? Нет, пожалуй, не стоит пока. Сходить с ума, так одному....

Стараясь двигаться бесшумно, Механик вышел в коридор и аккуратно прикрыл за собой дверь каюты.

Так. Сначала отсек гипердвигателя. Может, он ещё там....

Отсек гипердвигателя располагался четырьмя ярусами выше, но Механик, отвергнув лифт, воспользовался трапом – меньше шума.

Овальная массивная дверь, ведущая в отсек гипердвигателя, была приоткрыта, хотя Механик отлично помнил, что закрывал её, когда был здесь последний раз. Он вообще имел привычку закрывать за собой двери. На самом деле открыть эту (и любую другую) дверь на корабле мог любой член экипажа, включая Умника. Но для гостей, например, или пассажиров данная конкретная дверь была недоступна. Так же,

как и дверь, ведущая в реакторный отсек, оружейную и ещё некоторые помещения «Пахаря». То есть, для того, чтобы посторонний мог попасть в тот же отсек гипердвигателя, его должен был сначала идентифицировать бортовой компьютер и, определив степень допуска, открыть доступ. Или не открыть. В данном случае компьютер не смог идентифицировать человека в скафандре «Скаймен». Однако дверь была открыта.

Шевеля от напряжения кожей на лбу, Механик с минуту смотрел на злосчастную дверь, после чего вспомнил, что *изнутри* её можно открыть и без всякого допуска. Просто рукой вытащить запор и толкнуть вбок.

Бред. Как этот «скаймен» внутри-то оказался? С Земли там прятался? Так там и спрятаться негде. И вообще, бред полный и окончательный. Если бы на корабле был «заяц», его бы давно обнаружили системы слежения. Не говоря о том, что ему, «зайцу», жрать что-то надо. М-да, как не крути, а необходимо посмотреть самому.

На секунду пожалев, что не заскочил предварительно в оружейную и не взял парализатор, Механик осторожно, по стеночке, приблизился к двери и заглянул в широкую щель....

Никого. Так он и думал. Что ж, видать, бортовому компьютеру пора сделать ха-арошую профилактику с последующим полным тестированием. Совсем, бедолага, сбрендил от длительного пребывания в гиперпространстве. Наверное,

ему это вредно. Мы, люди, терпим, а он уже слегка крышей поехал. Но звук-то я слышал или нет? Ерунда, показалось. Надо было вовремя перекреститься, а не придумывать себе на голову бог знает что. И всё-таки....

Почти спокойно Механик толкнул дверь влево, вошёл в отсек и замер, приоткрыв рот.

Прямо на уровне глаз переливался густым синим светом индикатор сигма-заряда....

Безуспешно стараясь унять нетерпеливую дрожь в руках, он с третьей попытки открыл крышку сигма-коррелятора и вынул контур из гнезда. Впрочем, этого можно было и не делать. Он и так уже видел, что сигма-коррелятор совершенно цел и готов к работе. Только, что называется, кнопку нажми.

А ещё через двадцать минут экипаж «Пахаря» и лируллийка Вишня, поднятые из постелей, собрались в кают-компани. Механик их уже ждал, по своему обыкновению вытянув длинные ноги чуть ли не на середину помещения и покуривая сигаретку.

– Ну, рассказывай, что случилось, – буркнул Капитан и пригладил торчащие со сна рыжие волосы. – Может, сон плохой приснился?

– Ага, сон. Вот он, сон мой, на столе лежит. Один и второй. А про третий я вам потом отдельно расскажу. На закуску.

Все, как по команде, посмотрели на стол. Там имела место быть толстая большая и чёрная тетрадь, а рядом с ней

– желтоватый лист писчей бумаги, на котором было что-то написано от руки.

Любопытный Оружейник первым подскочил к столу и склонился над листом.

– Это записка! – провозгласил он.

– От кого? – спросил Штурман.

– Читай вслух! – приказал Капитан.

Оружейник взял бумагу в руки, кашлянул и начал:

«Уважаемые господин Капитан и команда! Сообщаю, что ваш испорченный сигма-коррелятор успешно заменён мною на целый, и теперь вы можете выйти из гиперпространства, сориентироваться и отправиться домой, на Землю. Я слишком долго пробыл в одиночестве и пока не готов тоже, вслед за вами, туда вернуться. Но, зная о легенде, которая возникла вокруг моей личности, испытываю потребность поделиться с человечеством правдой. Она – в тетради, которую вы видите перед собой. Это мои личные записки, нечто вроде романа-дневника, основанного на происшедших со мной подлинных событиях. Прошу вас его прочесть, а по прибытии на Землю, передать в какое-нибудь крупное издательство с целью опубликования. Лучше в ЭКСМО-ПРЕСС, чьи книги я когда-то любил.

Удачи!

С уважением, Леонид Житинев (Человек-Т)».

Оружейник перевернул лист обратной стороной, тщательно его осмотрел и бережно положил на стол.

– Все, – доложил он. – Больше там ничего не написано.

– Слушай, Механик, – сказал Штурман. – Я понимаю, что тебе захотелось нас развлечь, посмешить и вообще поддержать морально. Но это не смешно. Особенно среди ночи.

– Вы думаете – это шутка? – спросила Вишня. – Мне почему-то так не кажется.

– Мне тоже, – сказал Доктор.

– Это шутка, Механик? – прямо спросил Капитан.

– Какие там шутки... – Механик приподнялся и затушил окурок в пепельнице. – Во-первых, это не мой почерк. А во-вторых... Можете подняться в отсек гипердвигателя и лично, так сказать, убедиться. Там в гнезде торчит новёхонький и целёхонький контур. Он же сигма-коррелятор. Так что прямо сейчас можем выскакивать из этой чёртовой ямы.

– Так... – поскрёб небритый подбородок Капитан. – Пошли в рубку.

– Э! А тетрадь? – воскликнул Оружейник. – Надо же посмотреть, что в тетради и...

– Ты предлагаешь прямо сейчас и немедленно устроить вечер ночь художественного чтения? – холодно осведомился Капитан.

– Э-э...

– Прибери её пока. К себе в оружейную, что ли... Только напомнить мне потом не забудь.

– Я не забуду, – пообещал Доктор, ободряюще кивнув Оружейнику.

И они все отправились в рубку.

В рубке Капитан и Штурман немедленно уселись на свои места и с ходу начали тестирование систем корабля на предмет немедленного выхода из гиперпространства. Тестирование показало, что корабль готов. Хоть сейчас.

– Ну что, орлы, – повеселевшим голосом спросил Капитан. – Выходим? Или, может, подумаем?

– Не томите душу, Капитан, – проворчал Доктор. – Выходим.

– Хорошо. Ради такого случая и в виде исключения разрешаю экипажу и пассажирам остаться в рубке. Пристегнитесь только.

Когда на обзорном экране мигнула и засияла мириадами звёзд родная чёрно-бархатная тьма, экипаж «Пахаря», подхватив с кресла слегка растерянную, но радостную Вишню, пустился в пляс.

Заглянувший в рубку Умник, некоторое время молча взирал на пятерых людей и одну лируллийку, скачущих, обнявшись за плечи, по кругу, после чего развернулся и отправился на камбуз готовить совсем лёгкий коктейль «Милый Джон» (крепкий с утра – вредно) и праздничный завтрак.

Завтрак был накрыт в кают-компании.

Присутствовали все, кроме Штурмана, которого Капитан безжалостно оставил на вахте. Впрочем, Штурман и сам бы на ней остался, без всякого приказа, потому что благополуч-

но выйти из гиперпространства в их ситуации было мало. Надо было теперь ещё и определиться в пространстве обычном, – уж очень долго они перемещались неведомо куда. Так что Штурман попросил Умника принести ему завтрак в рубку, активировал бортовой компьютер и сказал, чтобы ему не мешали, пока сам не позовёт.

– А теперь докладывай, – сказал Механику Капитан, когда пришло время кофе, – как это всё случилось.

И Механик рассказал.

О том, как проснулся от незнакомого звука и обо всём, что последовало далее. Вплоть до того момента, когда он интуитивно решил заглянуть в кают-компанию и обнаружил там на столе тетрадь и записку.

– ... и тогда я разбудил вас, – закончил он.

– Как причудливо иногда устроена жизнь, – сказала Вишня.

Только вчера я услышала эту удивительную легенду о Человеке-Т, и вот – пожалуйста. Интересно было бы на него посмотреть, конечно.

– Идиоты! – хлопнул себя по лбу Капитан. – Если бортовой компьютер не идентифицировал человека в скафандре «Скаймен», то это не значит, что он не сохранил запись! Механик, ты что, не догадался посмотреть?

– Да... как-то не до того было, – смутился Механик. – Когда я понял, что мы снова можем летать, сразу же разбудил вас. А потом не до того было.

Тут же, прямо из кают-компания, послали запрос бортовому компьютеру и уже через пару секунд на экране дисплея пошла запись.

– Вот он! – выдохнул Оружейник, когда камера слежения показала громоздкую неуклюжую фигуру, выходящую из дверей кают-компания.

– Действительно, «Скаймен», – заметил Капитан. – Надо же. Я уж и забыл, как он выглядит. Помню как-то раз... Ладно, потом.

– Жалко, лица не видно. Он к нам всё время спиной. – сказал Доктор.

Тем временем фигура медленно прошествовала по трапу вверх, к отсеку гипердвигателя. У запертой двери человек в скафандре остановился и, словно задумался.

Теперь они увидели его лицо в профиль. Крупный, с горбинкой, нос, чуть оттопыренная нижняя губа, карий внимательный глаз под нависшей бровью, резкие глубокие морщины на лбу и впалых щеках. Этот человек не выглядел старым, но было сразу видно, что пережил он к своему возрасту достаточно.

– К-хм... – кашлянул Капитан.

И тут случилось нечто непонятное. Человек исчез.

Только что он стоял перед запертой дверью в отсек гипердвигателя, и вот его уже нет.

В полном молчании прошло ещё около двух минут, в течении которых Капитан, Механик, Доктор, Оружейник и Виш-

ня терпеливо наблюдали пустой коридор. А потом дверь поползла в сторону и замерла в полуоткрытом положении.

– Все, – сказал Доктор через некоторое время. – Кино закончилось. Главный герой сделал своё дело и ушёл, не противившись.

– Не понимаю, – покрутил головой Капитан. – Куда он делся? И как прошёл через дверь? Фокус какой-то...

– По-моему, нужно теперь почитать его записи, – сказала Вишня. – Не зря же он их нам, то есть, вам оставил. Наверное, мы все из них узнаем.

– Что, прямо сейчас? – неуверенно спросил Капитан.

– А почему бы и нет? – удивился Доктор. – Штурман все равно ещё не скоро определится с нашими координатами. А мы ему потом расскажем. Или сам почитает, если захочет.

– Ну ... ладно, – согласился Капитан. – А кто читать будет?

Экипаж в явном затруднении переглянулся.

– А можно мне? – спросила Вишня. – Я умею читать на вашем языке и мне это очень интересно.

– Желание дамы – закон, – тут же среагировал Доктор.

– Почему бы и нет? – сказал Капитан. – Неси тетрадь, Оружейник!

Вступление

Я долго думал над тем, в каком жанре вести эти записки. В жанре дневника? Не получится. Хотя бы потому, что дневник предполагает точную датировку событий, а я зачастую не помню, когда именно со мной произошло то или иное. Да и вообще, дневник – интимное дело и предназначен, скорее, для самого себя, а мне хочется, чтобы эти записки нашли своего читателя.

Может быть, в жанре мемуаров?

Тоже не подходит. Мемуары пишутся в основном тогда, когда человек чувствует приближение смерти и знает – всё, что он мог совершить основного в жизни, он уже совершил. Я же отчего-то думаю, что ещё поживу на этом свете и кое-что успею сделать, кроме того, что сделал уже.

Но если не дневник и не мемуары, то что тогда?

Ответ пришёл однажды ночью. Сразу и неожиданно. «А почему бы тебе, Лёня, не написать нечто вроде романа?», – подумал я. – Пусть это будет художественное произведение. Все равно по прошествии стольких лет ты не сможешь объективно восстановить даты и факты, но на интуитивном, чувственном уровне, пожалуй, вполне на это способен. То есть, ты вполне можешь создать художественно правдивое литературное произведение. Или, во всяком случае, такое, которое с интересом воспримет читатель. А уж историки и архи-

висты пусть разбираются в том, соответствует ли рассказанное мной действительности или нет». Я понял, что это самый лучший выход. Именно роман. Или нечто похожее на него. Возможно, моё решение носит слишком безответственный и самоуверенный характер (дело в том, что я никогда не писал романов), но я его принял и честно постарался выполнить. И теперь предоставляю на суд читателя то, что у меня получилось.

Ваш Леонид Житинев

Эпизод первый

Я стоял возле окна и смотрел на заходящее солнце. Был август месяц начала двадцать первого века, пятница. То есть, впереди меня ожидали два бесконечно скучных выходных дня.

Надо заметить, что за последний год или даже полтора моё отношение к выходным резко изменилось. Если раньше я ждал их с нетерпением щенка, которого вот-вот обожаемый хозяин выведет на прогулку в широкий прекрасный и незнакомый мир, то нынче... Нынче я не ждал от выходных ничего. Ни хорошего, ни плохого. Неизменная тоска у телевизора и каменно молчащий телефон, – вот и все мои выходные.

Нет, разумеется, иногда выпадали и весёлые субботы с воскресеньями. Например, когда мой единственный друг, бизнесмен и авантюрист (хороший бизнесмен всегда немного авантюрист) Витька Бондарь, оказывался вдруг свободен, и вспоминал о моём существовании. Тогда он заезжал за мной, и мы отправлялись развлекаться.

Впрочем, и развлечения эти последнее время стали какими-то однообразными. Ну, баня. Ну, водка. Ну, девочки. Можно в обратной последовательности. Ещё шашлыки на природе с той же водкой и девочками. Правда, однажды мы с ним слетали на два дня в Крым, в Коктебель, и это было

действительно здорово. И ещё один раз прыгали с парашютом (я так до сих пор и не разобрался в тех чувствах, которые тогда испытал).

Но Витька – человек занятой, и свободные дни бывают у него редко. А самостоятельно развлекаться я разучился. Да что там – развлекаться, просто жить – и то... И ведь понимаю, что утратил вкус к жизни, что в тридцать лет это недопустимо, что нужно срочно принимать меры... Все понимаю. Но сделать ничего не могу. Пока. Одна надежда, что именно пока....

Итак, я стоял у окна в снимаемой мною квартире на одиннадцатом этаже и смотрел на закат.

Я люблю московское небо.

Есть в нём какая-то особая глубина и ширь, чистота и пронзительность. Иногда мне кажется, что московское небо создавал скульптор, а не живописец, если вам понятно, о чём я говорю. Солнце уже скрылось где-то за Серебряным Бором, и я уже почувствовал приближение очередного пустого вечера в пустой квартире, который мне суждено провести за пустой голливудской поделкой или не менее пустой книгой современного русскоязычного автора, когда в мою голову пришла банальная, но неожиданная мысль.

«А не выпить ли мне пива?» – подумал я.

И не одному, а среди людей. Пусть даже и незнакомых.

Мысль эта меня сначала радостно удивила, а потом подтолкнула к простейшим действиям. А именно: я обулся, су-

нул в карман деньги, ключи и покинул квартиру.

Как раз недалеко от моего дома совсем недавно открылось кафе со стандартным набором услуг: свежее пиво (а где оно сейчас несвежее?), водка-коньяк-вино, немудрёная еда, кофе, чай, прочие напитки. Цены вполне по карману таким, как я – людям, зарабатывающим на сносную жизнь, но не умеющим претендовать на большее.

Народа в кафе оказалось довольно много, и народа разного. Вон четверо работяг в углу пьют свою водку с пивом и дымят дешёвыми сигаретами. Вон несколько гостей с Кавказа сдвинули два столика и наслаждаются московским августовским вечером в обществе трёх прелестных, но несколько потасканных дам. Явно небогатая семейная пара у окна сидит с кофе и пирожными. Троица школьников за пепси-колой. А вон и не опустившиеся ещё до самого дна, местные бездельники-алкоголики цедят пиво и косятся по сторонам в надежде встретить щедрого кореша-знакомого с деньгами и раскрутить его на кружку-другую, а то и на бутылку чего покрепче.

Свободные места, однако, были. И даже свободные столики. Я выбрал столик в углу, заказал официантке две бутылки пива «Золотая бочка» (светлое), фисташки и, откинувшись на спинку стула, закурил.

Когда-то я любил подобные места. Мне нравилась их непринуждённая грубоватая атмосфера; звуки разудалой поппсы из пузатого двухкассетника (made in China), от кото-

рой при желании можно легко отключиться в любой момент; запахи пролитого пива и водки, дешёвых духов, табачного дыма и верхней одежды, которую здесь не сдавали в гардероб, за неимением последнего, а в лучшем случае швыряли на свободный стул. Уют подобных заведений был хрупок и недолговечен, его легко могла разрушить какая-нибудь пьяная и наглая компания, но он, этот уют, не смотря ни на что, был, согревал руки и сердце поверхностным и во многом фальшивым, но всё же теплом; окутывал незримым и тонким коконом; защищал и прикрывал, как умел, от холодного и равнодушного города и мира. Конечно, только до определённого момента. До момента, пока не кончились деньги или настроение.

Да, когда-то... Когда-то я любил не только это, а много чего ещё.

Принесли пиво и фисташки. Стараясь не утратить в душе жалкую тень былых желаний, я выпил сразу полбокала, заел вкусными орешками южных стран и почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы продолжить.

К стенами и окнам кафе тем временем вплотную подступил вечер, а вместе с ним и неожиданный ветер, зашумевший в кронах лип и каштанов на близкой аллее.

– Будет гроза, – сказали рядом тихим голосом.

Я поднял глаза от бокала.

Человек, мужчина, лет, наверное, около пятидесяти. По всему видать, пьющий, но одежда новая, чистая и опрятная.

Небрит. В одной руке – две бутылки той же «Золотой бочки», в другой – чистый бокал. Не стал ждать официантку – взял сам у стойки. Вот и собеседник.

– Разрешите?

– Пожалуйста, – разрешил я. – Не занято.

Он уселся напротив и, как мне показалось, с преувеличенной аккуратностью налил себе полный бокал пива. Выпил (его рука при этом чуть заметно дрожала), налил ещё, достал из кармана пачку «LM» и закурил. Было отчётливо заметно, что человеку уже гораздо лучше.

– Да, – сказал он окрепшим голосом. – Гроза... Скоро уже.

Я пожал плечами:

– Гроза так гроза. Мы внутри, не намокнем. А если б и снаружи – тоже ерунда. Лето пока. Тепло.

– Э, дело не в этом! – он явно обрадовался тому, что я поддержал разговор. – Намокнуть не страшно. Но все эти молнии с громом... Если честно, то я просто грозы боюсь.

– Боитесь? – переспросил я удивлённо.

– Именно. Странно, правда? Взрослый, казалось бы, человек. Образованный. И вдруг – боится грозы!

Он засмеялся отрывистым смехом, больше похожим на кашель.

– Наверное, в детстве какая-нибудь гроза сильно вас напугала? – предположил я, чтобы не молчать.

– Нет, – он покачал головой и отпил из бокала. – Хотя я действительно боюсь грозы с детства. А боюсь потому, что

не понимаю.

Я засмеялся. Это было неожиданно и забавно. Сидит человек, пьёт пиво и утверждает, что боится грозы потому, что она ему не понятна! По-моему, смешно.

– А вы разве не страшитесь непонятного? – спросил он, дождавшись, когда мой смех угас. – Я думаю, что только непонятное бывает по-настоящему страшным. Явление, которое человек понимает, испугать не может, поскольку нам известно, откуда оно возникает и как от него защититься.

– Может быть, – сказал я. – Только при чём здесь гроза? Атмосферное электричество, достигшее известного напряжения. А для защиты от молний вполне достаточно громоотвода.

– Громоотвода... – пробормотал он. – Эх... Простите, вас как зовут?

– Леонид, – представился я, помедлив.

– А по батюшке?

– Владимирович.

– А меня – Вадим Алексеевич. Так вот, Леонид... Леонид Владимирович. Поверьте бывшему физику. В природе грозы ещё очень много непонятного и загадочного. Атмосферное электричество, говорите вы так легко, словно это бутерброд с колбасой! А что такое просто электричество, не говоря уже об атмосферном? Что такое электрический ток, например?

– Поток заряженных электронов, – улыбнулся я.

Он возмущённо фыркнул и прильнул к стакану, сразу

уменьшив его содержание больше чем наполовину.

– Ладно, – вздохнул он, поставив стакан на стол, и с явным сожалением посмотрел на оставшуюся бутылку с пивом.

«Э, братец, – подумал я, – так ведь и спиться недолго...».

– Чёрт с ним, с электрическим током, – продолжил мой собеседник. – Мы хотя бы сумели заставить его работать себе на благо. Но что вы скажете насчёт шаровой молнии? Вот где загадка! Даже не загадка – тайна.

– Ни разу не встречал шаровую молнию, – признался я. – Мало того, даже не встречал человека, который бы с ней сталкивался.

– Теперь встретили, – сказал он. – Я видел шаровую молнию. Дважды. И считаю, что современной науке она не по зубам.

– Мало ли, что не по зубам современной науке, – пожал я плечами. – Стоит ли так волноваться?

Окна кафе полыхнули белым светом, и тут же, без малейшей паузы, в наш разговор ворвался гром.

– Вот она, гроза, – прошептал Вадим Алексеевич, косясь на окно. – Совсем близко... Вот вы говорите, стоит ли волноваться... Как же не волноваться, если тайна? Или вас тайны не волнуют?

– Когда-то волновали, – сказал я. – Теперь – не знаю. Скорее нет, чем да.

– Разочарование в жизни, – кивнул он медленно. – Да, я понимаю, теперь это модно. Впрочем, это всегда было модно.

Но я хотел рассказать вам о шаровой молнии. Об одной моей встрече с ней. Встреч этих, как я уже говорил, было две, но та, первая... она до сих пор не даёт мне покоя, потому что я не могу объяснить того, что произошло.

За стенами снова сверкнуло и прогремело. Хлынул ливень.

Э, подумал я, придётся здесь переждать. Да и куда мне торопиться? Дома никто не ждёт... завтра суббота...

– Может, чего покрепче заказать, Вадим Алексеевич? – спросил я неожиданно для самого себя.

– Ну... честно говоря, денег у меня... – пробормотал он.

– У меня есть.

– Разве что маленькую...

Я заказал маленькую «Праздничной», ещё два пива и все те же фисташки. Заказ принесли быстро. Мы выпили за знакомство, и я приготовился терпеливо слушать. В конце концов, надо же как-то было пересидеть грозу?

– Это случилась лет, наверное, тридцать пять назад, – начал Вадим Алексеевич, закуривая. – Я тогда был мальчишкой, и мой дед по отцу взял меня с собой на рыбалку. С ночёвкой. У деда была машина – «Москвич –403», знаете? И палатка была. Надо сказать, что дед у меня был человеком суровым и замкнутым, баловал меня редко, и эту поездку на рыбалку я воспринял как настоящий праздник. Но дело не в этом. Мы приехали на место вечером, дед установил палатку, а я соорудил костёр. Потом ловили рыбу и кое-что поймали.

Мало поймали, поэтому спать легли пораньше, чтобы встать на утренней зорьке и снова попытать счастья. А ночью началась гроза. Вот, как сегодня. Я проснулся от жуткого грохота. Дед храпел рядом, как ни в чём не бывало. Что ему гроза, – он всю войну артиллеристом прошёл... В общем, сижу я и трясусь от страха. Молнии сверкают так, что в палатке светло становится. Кажется, что совсем рядом в землю бьют и вот-вот ударят прямо в меня. Гром небо раскалывает. Дождь сплошным потоком. Светопреставление, в общем. Сижу я, боюсь, а деда разбудить тоже боюсь. Ещё неизвестно, что страшнее – дед или гроза. Мне-то лет, наверное, двенадцать или тринадцать тогда было, то есть, большой мальчик уже. Что бы я ему сказал? Что мне страшно? Он бы мне дал «страшно»... – Вадим Алексеевич снова покосился на окна, за которыми продолжало сверкать, грохотать и лить, протянул руку к бутылке и решительно налил себе и мне. Мы выпили.

– Наконец, гроза стала уходить, – продолжил он свой рассказ. – Я уж, было, собрался ложиться, но тут... Сложно описывать это тому, кто никогда не видел. Сравнить не с чем. Разве что с каким-нибудь спецэффектом в голливудском фильме. Но кино – оно на экране, а здесь... Прямо сквозь брезент, сбоку, в палатку вплыл светящийся ярким зеленоватым светом шар. Размером, наверное, с большое яблоко. При этом, заметьте, брезент остался совершенно цел! Ни дырочки! Как вам, а?

– Возможно, он не проник в палатку, а сразу в ней появился? – предположил я, вспоминая о читанных когда-то историях про встречи с шаровыми молниями. – Сконденсировался или как там ещё это называется...

– Если бы он возник в палатке, я бы так и сказал, – перебил Вадим Алексеевич. – Нет, он именно что проник внутрь снаружи. И брезент не повредил! Но это всё ещё были цветочки, потому что ягодки ждали меня впереди. Шар повисел немного, покачиваясь из стороны в сторону... Знаете, было похоже, что он живой. Он, словно бы принюхивался к ситуации и раздумывал над тем, что ему делать дальше. Я от страха совсем оцепенел. Сидел, замерев, чуть ли дышать не забыл и глаз оторвать не мог от этой штуки. Мальчик я был начитанный, о шаровых молниях слышал и догадался, что это она и есть. Но от этой догадки легче мне не стало, потому что я сразу вспомнил прочитанное. И что взрываются, бывает, шаровые молнии, и что людей калечат, пожары устраивают и вообще очень опасны. Хотел деда позвать, разбудить, а потом подумал, что спугну незваную гостью ненароком, и наворит она в палатке бед. В общем, стараюсь не шевелиться и жду, что дальше будет. Шар покачался, покачался и начал кружить прямо над дедом. Один круг сделал, второй, третий... И вижу я, что не просто он кружится, а снижается помаленьку. Тут мне совсем невольно стало. Открыл я рот, чтобы деда позвать и разбудить, но шар мой крик опередил и коснулся дедовой руки, что из-под одеяла простого верблю-

жьего выпросталась. Прямо тыльной стороны ладони, где у деда ещё наколка была: «Артиллерия – бог войны!». Коснулся он, значит, руки и, словно присосался к коже. И стал вытягиваться в руку! Ну, выглядело это именно так, во всяком случае. Вот он с яблоком, вот уже с шарик для пинг-понга величиной, вот со сливу, вишню, горошину... Все, исчез! Он исчез, я глаза закрыл и снова открыл. И увидел, что дед тоже исчез.

Я потянулся к пачке сигарет, скрывая подступивший смешок. Вот оно, дождался, начались пьяные байки. И сколько уже я их слышал за годы занятий журналистикой! Иной за бутылку тебе такое расскажет, что никакая буйная, но трезвая фантазия охватить не в состоянии. А с другой стороны, иначе русского человека и разговорить трудно. Не хочет он, русский человек, без бутылки разговаривать. Ну, ладно, разговаривай, но врать-то зачем безбожно? Впрочем, сейчас мне всё равно, что плетёт мой собеседник и собутыльник, я его историю публиковать не собираюсь. Да и пить с ним дальше тоже что-то расхотелось. Алкоголик. С ними всегда одинаково: налей стакан – потом не отвяжется. Скучно...

– ... совсем у меня душа в пятки ушла, – размахивая рукой с горящей сигаретой, воодушевлённо продолжал мой не совсем уже трезвый собеседник. – Подумал сначала, что дед проснулся и выполз наружу, пока я глаза закрывал. Но – как? Я их закрыл на долю секунды, не больше. За это время не то что вылезти – с боку на бок не перевернуться. А главное

– вход в палатку оставался закрытым! Палатка у нас была старая, вход не на замке-«молнии», а на завязках. Я сунулся было наружу, а выйти не могу, потому что все завязки того... завязаны. Тут гроза вроде как отдалилась, и дождь утихать стал. Я немного осмелел, узлы развязал, фонарик прихватить не забыл и вылез в ночь. Дождь уже почти кончился, но темно было, как... очень темно, в общем. Но фонарик у нас был хороший, мощный. Я его включил и стал деда искать. Молча искал, не звал. Сам не знаю почему, наверное, боялся, что вернётся шаровая молния на мой крик, и тогда мне совсем несдобровать... – Вадим Алексеевич умолк и снова протянул руку к бутылке. Там уже почти ничего не осталось, и я ждал, что он сейчас предложит мне взять ещё одну. Но он не предложил. Разлил остатки, выпил, уставился снова в окно, за которым продолжалась гроза.

– А дальше? – прервал я молчание, чтобы не показаться совсем уж невежливым – всё-таки он не попросил взять вторую бутылку...

– А дальше – нашёл я деда. По храпу нашёл. Метрах, наверное, в тридцати от палатки под кустом боярышника. Он даже не проснулся – так и продолжал себе храпеть на мокрой траве, завернувшись в одеяло.

– И? Разбудили вы его?

– Да, конечно. Но правду не сказал. Он бы всё равно ни в жизни мне не поверил. Сказал только, что проснулся, а его нет. Пошёл искать и тут, под кустом, его увидел. Дед, поче-

сал в затылке, стал припоминать не было ли у нас в роду лунатиков, не припомнил, махнул рукой и пошёл обратно в палатку.

– А вы?

– А что я... Запомнил это на всю жизнь, теперь, вот, вам рассказал. Но вы, я вижу, не особенно мне поверили.

– Почему же? – я пожал плечами. – Верю. Но думаю, что с вами и вашим дедом случилось что-то, что вы не поняли. Не считаете же вы, в самом деле, что шаровая молния перенесла вашего деда по воздуху? Тем более, мне показалось, вы упоминали, что вы физик...

– Бывший, – кривовато усмехнулся он.

– Какая разница! Прикиньте энергию переноса. Я-то физику и в школе плохо знал, а сейчас и вовсе забыл, но все равно соображаю, что перенести семьдесят-восемьдесят килограммов на тридцать метров...

– Это был не перенос, – перебил он меня. – В том-то и дело. Подумаешь, перенос... Я бы ради такого пустяка и рассказывать вам ничего не стал. Это было мгновенное перемещение. Или почти мгновенное. Палатка-то не пострадала, как вы не понимаете! Как бы он прошёл сквозь палатку? Материальное тело всё-таки! Э, да что там говорить... Я всю жизнь над этим голову ломаю и все равно даже близко не подошёл к объяснению. А вы говорите – перенос.

– Да не говорю я ничего, – разозлился я. – Хотите объяснение? Извольте. Вы уснули, и молния вам приснилась. И

всё остальное тоже. А пока вы спали, дед ваш вылез из палатки вместе с одеялом, завязал за собой вход и пошёл на речку. Покурить, например. Или нужду справить. А потом завалился под куст и уснул. Что, вы хотите сказать, что моё объяснение более невероятно, чем ваша история? Что быть такого не могло? Ха-ха. Физик, тоже мне...

Я и в самом деле неожиданно разозлился. Сидит, понимаешь, тут передо мной полуспившийся физик-недоучка и сказки рассказывает. И, главное, зачем? Как благодарность за водку, что ли? Так не нуждаюсь я в его благодарности. Ну, пусть бы рассказал он эту историю, ладно. Но что, нельзя было самому предположить, что дед просто вышел, а ему всё приснилось? Нет, обязательно надо тумана напустить, себе-седника за дурака посчитать, а потом, возможно, и посмеяться над ним. Самому или с товарищами. Вот, мол, рассказал байку лоху, а он и уши развесил, водку выставил...

– Извините, если что не так, – прервал мои злые размышления Вадим Алексеевич. – Пойду я. Гроза кончается, да и домой мне пора. До свидания. Спасибо за угощение и ещё раз извините.

Он поспешно поднялся, неловко загасил в пепельнице сигарету и поспешил к выходу из кафе.

Гроза на самом деле ещё продолжалась, и мне отчего-то стало неловко. Только что злился на человека и вот уже чувствую себя виноватым.

Чёрт, обиделся, кажется. И что я на него накинулся? Си-

дели, разговаривали... Ну придумал человек интересную историю, и что с того? Он тебя, дурака, развлечь хотел, а ты... Эх, вот и всегда так со мной последнее время – то себя извожу почём зря, то на людей кидаюсь ни с того ни с сего.

Настроение было испорчено окончательно. Попил, блин, пивка... М-да, надо, пожалуй, тоже домой идти. Тем более, что дождь, кажется, действительно утих, пива и водки я больше не хочу, а поговорить больше всё равно не с кем.

Я поздравил официантку, расплатился и вышел на улицу.

Гроза уходила. Только ветер ещё шумел в деревьях, да редкие крупные капли дождя напоминали о близкой непогоде.

Чтобы попасть домой, мне нужно было пересечь аллею нырнуть в проход между двумя соседними панельными двенадцатиэтажками и пройти по короткой тёмной улочке, образованной железными коробками гаражей. Тут следовало смотреть под ноги, потому что на улочке этой, из-за отсутствия асфальта, после хорошего дождя возникали широкие и глубокие лужи. При этом, почему-то, всегда в разных местах.

Что заставило меня поднять голову, не знаю. Вероятно сработала так называемая интуиция. Шестое чувство, блин. Хотя откуда ей было взяться? Никогда не срабатывала, а тут – на тебе.

Как бы то ни было, а я их заметил. Трое перегородили мне дорогу, а когда я оглянулся, то увидел ещё двоих, отрезав-

ших путь назад. Было темно, и лиц их я не видел, но то, что этим пятерым нужен именно я, понял отчего-то сразу. И тут же в ногах разлилась противная трусливая слабость, обмерло сердце, и в голове вспыхнула одна, но очень яркая мысль: «Доигрался в журналистское расследование, мудака. Тут-то тебе и...».

Бежать было некуда. Справа гараж, слева гараж, трое впереди и двое сзади.

Кричать?

Бесполезно. Даже, если услышат, то на помощь никто не придёт – дураков нет. В самом лучшем случае – вызовут милицию. Но пока те приедут, если, конечно, вообще приедут...

Драться? Пожалуй, это единственный выход. Попробовать кого-то свалить, вырваться и убежать. Боец, правда, из меня хреновый, даже в детстве я редко дрался, предпочитая решать конфликты миром, но, если прижмёт... Опять же, физически слабым назвать меня трудно – ещё каких-то десять лет назад я почти дотянул до кандидата в мастера спорта по прыжкам в воду и полностью формы пока не утратил.

– Ты головой не верти, – отчётливо сказал один из троицы. – Стой на месте и не дёргайся. Слышал о том, что за базар отвечать надо? То-то. Вот и ответишь сейчас.

Они разом шагнули мне навстречу, и я приготовился кинуться вперёд на прорыв, как тут над нами что-то затрещало фейерверчным треском, и посыпались искры. Машинально

все подняли головы. Искрила проводка на столбе, видимо, повреждённая ветром, и я увидел, как из того места, откуда фонтанировали искры, вдруг полез, наливаясь объёмом и пронзительным зелёным светом круглый шар-пузырь.

Полез, надулся до размеров небольшого арбуза, оторвался от провода, завис, покачиваясь, в воздухе и неожиданно скользнул бесшумно и быстро вниз, прямо между опасной троицей и мной. Пахнуло озоном, и в кожу рук и лица словно воткнулись тысячи мельчайших иголочек.

– ...ть! – попятившись, визгливо удивился тот, кто перед этим советовал мне не дёргаться и стоять на месте. – Это ещё что за хрень?

Пора, решил я. Другого времени не будет. Пока они растерялись... И кинулся вперёд и вправо, огибая зависший на моём пути удивительный шар.

Дальнейшее произошло в какую-то долю секунды. Шар, словно испуганный кот, заметался из стороны в сторону, я, стараясь от него увернуться, поскользнулся на мокрой глине, взмахнул правой рукой, удерживая равновесие... и всей кистью погрузился в яркое круглое и зелёное свечение.

Позже гораздо, когда я уже смог хоть как-то анализировать происшедшее, мне припомнилось многое. И морозный холод, вмиг разошедшийся от руки по всему телу, и сама рука, засветившаяся тем же ярким и зелёным светом (мне даже показалось, что сквозь ткань рубашки, кожу и мышцы я

вижу собственные кости), и лица тех троих, кто поджидал меня в тёмном проходе между гаражами. Приоткрытые рты и выкаченные глаза с застывшим в них тупым удивлением.

Но это потом.

А в тот момент мне почудилось, что кто-то выдернул у меня из-под ног землю-матушку, и связь моего сознания с окружающим миром на время прервалась.

Очнулся я от запаха воды и леса. В голове стоял медленно утихающий звон, и первым делом я прислушался к собственному телу. Судя по ощущениям, тело лежало на прохладном песке и не испытывало физической боли. Что ж, уже хорошо. Надо открывать глаза.

Надо?

Надо.

Я открыл глаза и в первый момент почти ничего не увидел.

Потому что уже ночь, сказал я сам себе, приподнялся на руках и медленно принял сидячее положение.

Так и есть. Я сижу на песке, рядом спокойно журчит какая-то неширокая речка, за которой угадывается тёмная масса прибрежного леса, над моей головой звёздное чистое небо, а за спиной... Что у меня за спиной?

Я обернулся и посмотрел за спину. Крутой берег, смутно угадываемые в темноте крупные валуны и даже что-то вроде скалы причудливых очертаний.

Ничего не понимаю.

Где я? И что произошло?

Звон в голове утих окончательно, я поднялся на ноги и огляделся повнимательнее. Глаза уже попривыкли к темноте, и мне показалось, что на месте этом я уже когда-то бывал.

Когда-то очень давно.

Или это эффект дежа-вю?

Ночка-то тёмная, безлунная, а от звёздного неба света явно маловато, чтобы как следует разглядеть окрестности. Да и вообще не в этом дело! При чём здесь эта речка? Как я за городом очутился? Именно за городом, потому что, насколько я понимаю, это не Москва. Я бы даже сказал, совсем не Москва. Потому что, если бы в Москве и были похожие места, скажем, где-нибудь на Лосином острове или в Измайловском парке, то всё равно нет в Москве ночью таких ярких звёзд. И тишина совсем другая. Мелкая, сказал бы я, в Москве тишина, некачественная. А здесь... Я прислушался. Вода неспешно журчит, филин заухал в лесу и тут же умолк. Тихо. Тихо-токак, господи... Нет, надо подняться на берег. Может, оттуда что знакомое увижу. Или услышу. Или, на крайний случай, унюхаю.

Нет, по камням и валунам этим я, пожалуй, не полезу – там недолго в темноте и ногу сломать. А вот здесь, по краю, сбоку вроде бы даже и тропинка виднеется. Кто-то ходит тут, к воде спускается, от воды поднимается. И мы воспользуемся.

Правый берег круче и выше левого. Но эта речка – сразу видно – небольшая, метров, наверное, пятнадцать – двадцать шириной. И правый берег её хоть и крутой, но не очень высокий оказался. Так что через какую-то минуту я одолел подъем и выпрямился, оглядываясь.

Так. Поле. За полем, прямо, виднеются далёкие огоньки. Похоже на село. Слева тоже огоньки. Их гораздо меньше, но они и ближе. Тоже, вроде, какое-то жильё. А поле странное. Видно сразу, что на нём отродясь ничего не сеяли. Просто поле, на котором растёт короткая и густая трава. Короткая, густая и очень мягкая. Почти как мох. Нога просто таки словно по хорошему дорожному ковру ступает.

Острое чувство узнавания прищемило сердце.

Чёрт возьми, я уже ходил по такой траве в детстве! Очень давно. Лет семнадцать-восемнадцать назад.

И ведь как похоже! Село за полем (и не поле это вовсе – автодром полковой, а сразу за ним, правее, должен быть танкодром), речка внизу и сразу за ней лес. Валуны, камни и остаток скалы – это бывший каменный карьер. Здесь когда-то гранит добывали, лет сто, наверное, назад. А огоньки близкие слева – это наш военный городок.

Нет, не может этого быть. Место, о котором я вспоминаю, находится на Украине, в Житомирской области, за сотни километров от Москвы, в совсем уже другом государстве. Просто очень похожий пейзаж – вот и всё. Славянская земля, всё-таки, родная... мало ли на ней мест-двойников? Ночь,

опять же, вот и чудится всякое. Надо ближе к людям выбираться, а там поглядим.

И я пошёл на близкие огни слева.

Если какая-то, пусть даже совершенно безумная, но соблазнительная и чудная мысль придёт в голову, то потом от неё трудно отделаться. Она будет к вам возвращаться до тех пор, пока вы или окончательно не уверитесь в её несостоятельности или, наоборот, поймёте, что она верна.

Чем ближе я подходил к огням, тем все больше мне казалось, что это, несмотря на полную бредовость подобного допущения, тот самый военный городок, в котором наша семья прожила два с половиной года ещё в те времена, когда существовал Советский Союз.

Ешкин кот, я слишком хорошо помнил эти места, чтобы ошибиться!

Вон уже и высоченные ели угадываются в темноте, в два ряда обрамляющие футбольное поле, на котором мы лето напролёт гоняли мяч (не считая рыбалки, походов за грибами-ягодами, купания в речке и прудах на территории части и ещё массы разнообразнейших детских развлечений). А вон светятся окна в древнем кирпичном трёхэтажном доме, где именно на третьем этаже жила Оленька, первая моя любовь...

Любая дорога так или иначе, но заканчивается. Кончилась и эта.

Прямо передо мной располагались знакомые до досточки

старые деревянные сараи и проход между ними. А за проходом рос из тротуара уличный фонарь, в свете которого я разглядел двойной ряд елей и угадал за ними футбольное поле.

Чтобы окончательно убедиться, я прошёл дальше и увидел именно то, что и ожидал уже увидеть. Деревянный одноэтажный барак с крест-накрест заколоченными окнами (надо же, никто в нём уже не живёт, а ведь стоит до сих пор!), футбольное поле и сосновую рощу за ним, три двухэтажных, один трёхэтажный и один (раньше его не было) девятиэтажный дом для офицеров, прапорщиков и их семей. И волейбольную площадку, и ещё один полуразвалившийся деревянный барак, и старую помещичью усадьбу (до революции здесь располагалась усадьба) я увидел тоже.

Кое-что здесь изменилось, конечно, но не узнать это место было нельзя. Это был именно он, военный городок танкового полка, расположенного в Корестеневском районе Житомирской области на Украине. Городок, в котором прошли, возможно, два с половиной лучших года моего детства.

Глава пятая

– На этом эпизод первый заканчивается, – сказала Вишня. – Дальше идёт эпизод второй. Читать?

Капитан тряхнул головой и посмотрел на часы.

– Надо же, – сказал он с уважением, – заслушался. Вам, Вишня, на сцене выступать, а не чрезвычайным послом служить...

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась Вишня, – мне на самом деле было очень интересно. Но, если честно, я немного устала с непривычки. Может быть, кто-нибудь другой продолжит?

– Отставить, – Капитан поднялся. – Надо бы узнать, что там у Штурмана. И вообще. Так как нам предстоит очередной долгий гиперпространственный прыжок, а за последний месяц мы несколько э-э... расслабились, приказываю. Каждому члену экипажа провести полное тестирование систем корабля и оборудования в части их касающейся. Чтобы все у меня работало или было готово к работе на двести процентов! После этого – генеральная уборка. Установите очерёдность использования Умника и – вперёд. По исполнении – доложить. А я пошёл в рубку к Штурману. Вопросы есть?

– Какие уж тут вопросы, – вздохнул Оружейник. – Всё ясно.

– Вот и хорошо, – Капитан обвёл присутствующих спе-

циально имеющимся у него для подобных случаев взглядом (когда нужно заставить подчинённых делать то, что им кажется необязательным и даже бессмысленным, нужно уметь правильно на них смотреть, чтобы впоследствии не тратить на проверку исполнения приказа лишние нервы. Капитан это умел) и вышел за дверь.

– И чего мне проверять? – спросил у Механика Оружейник, когда Капитан, по его мнению, удалился на достаточное расстояние. – Бортовые пушки в норме, неделю назад смотрел. Да и всё остальное тоже.

– Не ворчи, – потянулся всем своим длинным телом Механик. – Капитан прав. Он знает, что всё в порядке, но чем-то должен нас занять на то время, которое Штурман потратит на расчёты.

– Опять же, впереди снова гиперпространство, – поддержал Механика Доктор. – И лично я не рекомендовал бы входить в него сразу, как только Штурман определится с координатами. Мы и так слишком много времени в нём провели. Надо бы пару дней подождать. На звёзды полюбоваться, опус Человека-Т почитать. Развеяться, в общем. Мне самому очень интересно, что там дальше случилось с нашим спасителем, как и вообще вся эта загадочная и фантастическая история, но сначала – трудотерапия. Чтобы потом лучше читалось, слушалось и воспринималось...

– В общем, тряпки в руки и – драить медяшку, – притворно вздохнул Оружейник. – И так всегда. Сотни, и сотни лет

прошли, а ничего на флоте не меняется.

– Как это не меняется? – возразил Механик. – А корабельные роботы? Чур, я первый беру Умника!

Новость, похоронившая надежды всего экипажа одного пассажира и одного корабельного робота грузовика «Пахарь» на скорое возвращение домой (и, возможно, на возвращение вообще) созрела к 16 часам по корабельному времени.

Именно в 16 часов ровно Штурман бессильно откинулся в кресле, горестно подпёр голову кулаком и громким шёпотом выругался по матушке.

– Что такое? – насторожился Капитан (члены экипажа в его присутствии крайне редко позволяли себе подобные выражения).

– Это кранты, Капитан, – после тягучей паузы откликнулся Штурман. – Пословицу «Из огня да в полымя» знаете? Так вот – она про нас.

– Ты мне тут знание пословиц и поговорок не демонстрируй, – рассердился Капитан. – Ты, давай, прямо говори. Что случилось?

И Штурман рассказал. Чётко и подробно. С наглядной демонстрацией на дисплее бортового компьютера таблиц, карт и моделей.

Ещё в те времена, когда человечество только-только открыло существование гиперпространства и возможность

межзвёздных путешествий с его помощью, астрономы нашли в галактике некую область пространства со странными и необъяснимыми свойствами. На первый взгляд, эта область была такой же, как и всё остальное пространство галактики. Во всяком случае никакими приборами её особенность не обнаруживалась.

Но ни один корабль, достигший этой области в гиперпространственном прыжке, обратно на Землю не вернулся.

Уже потом, когда человечество познакомилось с другими расами разумных существ, умеющих путешествовать в космосе и относительно быстро преодолевать невообразимые галактические расстояния, выяснилось, что эта (кстати, сравнительно небольшая) область галактики известна космическим путешественникам давным-давно и на всех языках носит одно и то же название – Слепой Мешок.

Слепой Мешок представлял из себя сферу пространства на окраине галактики с радиусом около ста двадцати световых лет и включающий в себя две тысячи сто четыре звезды и звёздные системы, в двух из которых даже имелись кислородные планеты. Всё это было установлено методами, так сказать, наружного наблюдения, потому что соваться в Слепой Мешок через гиперпространство было равносильно гибели. Туда корабль попадал, но обратно вернуться не мог.

Вернее, мог, но только в обычном космосе на обычных планетарных фотонных двигателях. А на них разве далеко уйдёшь? Те же лируллийцы запустили однажды фотонный

автомат до ближайшей (9 световых лет) к границе Мешка звезде с четырьмя планетами, который благополучно доковылял до цели, исследовал всё, что только смог и так же благополучно вернулся обратно. И – ничего. То есть, ничего лируллийцы не обнаружили. Ни поля какого-нибудь неизвестного, ни цивилизации загадочной, которая бы захватывала в плен корабли, ни физической аномалии... ничего. Да и не только лируллийцы. Другие, хорошо развитые в техническом и научном отношении расы тоже неоднократно предпринимали попытки исследования Слепого Мешка, которые неизменно заканчивались полным провалом. В том смысле, что научные сведения, разумеется, добывались, но их никоим образом нельзя было соотнести с фактом невозвращения попавших в Мешок кораблей. Единственное, что удалось выяснить с довольно большой точностью и ценой потери определённого количества автоматических зондов с гиперприводом – это границы Слепого Мешка и его размеры.

В конце концов, на это дело фактически плюнули, оставили феномен Слепого Мешка фанатикам-одиночкам от науки и тем расам, которые ещё не успели или не захотели войти в Галактическое Сообщество, проложили нужные маршруты и трассы в обход опасного места, разбросали на границах несколько сотен автоматических бакенов и спокойно продолжали себе пользоваться гиперпространством. Тем более, что Слепой Мешок, хвала судьбе, лежал в стороне от самых оживлённых внутrigалактических маршрутов.

Но.

Время от времени из-за сбоев в навигационных программах, ошибок в расчётах, просто разгильдяйства и беспечности экипажей, а также, вероятно, по другим, не всегда понятным причинам, корабли продолжали попадать в Слепой Мешок.

С тем, чтобы уже никогда не вернуться домой.

Конечно, случалось это теперь крайне редко. Но всё же случалось. И среди космонавтов всех рас давно бытовало устойчивое выражение «попасть в Слепой Мешок», что означало, как выразился однажды в порыве лингвистического вдохновения Доктор, «обо...ться по полной программе без всякой надежды на перемену белья».

Когда Штурман умолк, Капитан долго чесал в своём рыжем затылке, после чего тихо спросил:

– Ты хочешь сказать, что мы попали в Слепой Мешок? В прямом смысле этого слова?

– Прямее некуда, – вздохнул Штурман. – Я эти координаты наизусть знаю и без компьютера. Да и вы тоже. На самом деле ещё часа три назад у меня подозрение возникло, но надо было всё тщательно проверить.

– Ага. То есть, проверял ты тщательно?

– Трижды. Могу проверить в четвёртый раз, но это, как вы сами понимаете, бесполезно. Результат будет тот же.

– Вот же... – сказал Капитан и выдал дальше тираду, которую за много лет совместных полётов Штурман слышал от

него лишь дважды. И оба раза ему не удалось эту тираду ни запомнить, ни включить звукозапись, чтобы потом выучить. И на этот раз он тоже не сумел её ни запомнить, ни записать.

Разумеется, они сделали несколько попыток вырваться. Скорость «Пахаря» была достаточной для того, чтобы с ходу уйти в гиперпространство, а необходимые расчёты для возвращения на Землю Штурман произвёл сразу, как только определился с координатами. Экипаж был предупреждён обо всём и терпеливо ждал в своих каютах, чем всё закончится.

Всё закончилось ничем.

Корабль входит в гиперпространство не желал.

После пятой попытки Капитан вздохнул и отключил привод.

– Что-то я проголодался, – сказал он Штурману. – А ты?

– Это от волнения. – заявил Штурман. – От волнения и переживаний. И вообще, я давно заметил, что вам в стрессовой ситуации первым делом есть хочется. Да и времени, если на то пошло, после нашего раннего завтрака прошло изрядно.

– Да, – вздохнул Капитан, глянув на часы. – Все объяснил, спасибо. Времени, действительно, прошло много. А сколько ещё пройдёт... – и, наклонившись к микрофону внутренней связи, громко сказал. – Предлагаю экипажу собраться в кают-компании на обед. Он же ужин, и он же совещание. Ум-

ник, накрывай на стол, люди думать будут.

Поздний обед, ставший заодно и ранним ужином длился в молчании. Умник, прекрасно осведомлённый о том безвыходном положении, в которое попал «Пахарь» и его обитатели, расстарался и уставил стол своими фирменными блюдами, которые обычно подавал только по большим праздникам, не забыв при этом и достаточное количество «Милого Джона» (вариант №5 – «Раздумье»). На ворчливую реплику Капитана о том, что, мол, «ишь, разносолов понаставил, словно на свадьбу» робот промолчал и только, когда люди и Вишня сели за стол, уже в дверях негромко заметил:

– В трудной ситуации хорошо поесть и выпить никогда не помешает. Сами же меня учили.

И с достоинством удалился.

– По-моему, он обиделся, – задумчиво сказала Вишня, глядя вслед Умнику. – Хотя я ни разу в жизни не видела обиженного робота. Впрочем, до нашего совместного путешествия я много чего не видела.

Капитан хмыкнул и уткнулся в тарелку.

Штурман встал и налил всем из графина «Милого Джона».

Доктор сделал вид, что пожимает плечами.

Оружейник застенчиво и грустно улыбнулся.

А Механик пробормотав что-то вроде: «Да, Умник у нас такой...уникальный», отхлебнул сразу половину бокала и

схватился за ложку.

К десерту, однако, настроение за столом несколько переменялось. Обильная и вкусная еда вкупе с изрядной дозой антидепрессанта под названием «Милый Джон» сделали таки нужное дело.

Первым, как всегда, не выдержал Оружейник.

– Я не силён в истории освоения космоса, – помаргивая белесыми ресницами, сказал он. – Но неужели не было ни единого случая возвращения из Слепого Мешка?

– Почему же, – немедленно откликнулся Доктор, который как раз в это время раскуривал сигару (Доктор курил в исключительных случаях, но, если уж курил, то предпочитал сигары) были. Например, двадцать э-э... восемь лет назад из района Слепого Мешка вырвался разведчик «Амундсен», пропавший за сто с лишним лет до этого. Вырвался целый и невредимый. Только на субсветовой скорости и мёртвым экипажем на борту. Причём, заметьте, не всем экипажем, а только половиной. Вторая половина, как явствовало из записей в бортовом журнале...

– Изъявила желание остаться на кислородной планете в системе звезды Си-135, – продолжил за Доктора Оружейник. – Ты, Доктор, прямо совсем иногда меня за полного дурака держишь. Извини, конечно.

– Да ничего я не держу, – вздохнул Доктор. – Это ты меня извини. Нет, лично мне о таких случаях не известно. Даже на уровне легенд. Может быть, Вишня знает? Лируллийцы

древняя раса и начали пользоваться гиперпереходом задолго до нас.

Взоры людей, как по команде, обратились на лируллийку.

– Увы, – покачала головой Вишня. – Я знаю то же, что и вы. Ни лируллийский корабль, ни какой бы то ни было другой, насколько мне известно, никогда не вырывался из Слепого Мешка. Его, собственно, поэтому так и называли.

– Но вы его исследовали? – спросил Капитан.

– А как же. Исследовали. С тем же успехом, что и вы. И все остальные расы галактики, имеющие возможности доступа к дальнему космосу.

– Что ж, – меланхолично заметил Механик. – Теперь мы имеем прекрасную возможность для изучения этого загадочного феномена. Так сказать изнутри.

– Эту возможность имели все, кто сюда попадал, – сказал Штурман. – И где они теперь?

– Видимо, некоторые до сих пор тут... – снова пожал плечами Доктор да так и замер, позабыв их опустить.

– А ведь это идея, господа! – улыбнулась Вишня. – Отчего бы нам не поискать товарищей по несчастью? Вместе не только радость делить веселее, но и беду нести легче. Как вы думаете?

– И каким же образом вы намереваетесь их искать? – хмуро осведомился Капитан. – Гиперпространство для нас недоступно, а пилить до ближайшей... Чёрт, Штурман, если мне не изменяет память...

– Так точно, Капитан! – криво ухмыльнулся Штурман. – Я всё ждал, когда вы обратите внимание. Кислородных планет в Слепом Мешке всего две, но одна из них как раз находится в ближайшей от нас звёздной системе. Которая система, в свою очередь, совсем рядом. Та самая Си-135, между прочим. Дней восемь пути на фотонном приводе. Это при нормально функционирующих гравикомпенсаторах. А они у нас функционируют нормально. Механик с Умником давно все починили.

– А что, Капитан, – подал голос Механик. – Отличная мысль. На Землю мы ещё вернёмся или нет – неизвестно, а по травке уж очень погулять хочется. Опять же все лучше и выгодней планетарным воздухом дышать, а не корабельным.

– И заняться будет чем, – подхватил Доктор. – Я, как врач, настаиваю на том, что экипажу крайне необходима смена обстановки. В целях, так сказать, психической безопасности.

– Да я, в общем-то, не против, – сказал Капитан. – Только, вот, термин «психическая безопасность» слышу впервые.

– Так ведь я его только что ввёл в обиход, – подмигнул Доктор. – Чтоб страшнее было.

– Куда уж страшнее, – пробормотал Оружейник. – Не знаю, как вы, а я всё думаю о Человеке-Т. Об этом... как его... Леониде Житиневе. Вот бы он снова у нас на борту появился!

– И что? – спросил Капитан. – Как бы он нас вытащил? По одному за шкуру? Не верю.

– Да и вообще, – добавил Механик, – вероятность его повторного появления за столь малый срок в одном и том же месте, по-моему, настолько мала, что об этом не стоит и говорить.

– Положим, теория вероятности здесь не совсем применима, – сказал Доктор. – Мы слишком мало знаем о Человеке-Т, чтобы судить.

– Так что мешает узнать? – спросила Вишня. – Рукопись – вот она. А я отдохнула и готова читать дальше. Насколько я понимаю, нам не обязательно сию минуту отправляться к этой самой планете... Как там её бишь?

– Она без названия, – сказал Штурман. – Только буквенный индекс и номер в каталоге.

– Никогда не имела случая поучаствовать в именовании планеты, – улыбнулась Вишня. – А вы?

Люди добродушно переглянулись.

– Приходилось, – сказал Капитан. – И не один раз. Так что, думаю, мы с удовольствием предоставим эту честь вам.

– Правда? А...можно? – широко раскрыла глаза Вишня.

– Конечно, – заверил Капитан. – Тем более, что вы, после всего, что с нами произошло, уже не только почётный гость, но, практически, член экипажа. Так что готовьтесь. Ну, а теперь, действительно, почему бы не послушать продолжение? Только пусть сначала Умник уберёт со стола, а Штурман тем временем прочитает сам то, что мы уже слышали.

Эпизод второй

Надо ли говорить о том, что, пока я ходил по городку, то до синяков исщипал себе левую руку? Но щипки не помогли. Это был не сон. Но и явью это быть не могло тоже.

Однако – было.

Я находился в сотнях километров от Москвы, на территории Украины, в месте, где прошла часть моего детства, и часы показывали, что через двадцать пять минут наступит полночь.

Человек я достаточно эмоциональный, но и практицизм мне не чужд. Особенно, когда прижмёт. А сейчас меня прижало так, что я даже не мог сообразить, что лучше – плакать или смеяться. С одной стороны – чудо. Самое, что ни на есть настоящее. Чудо, которое произошло не с кем-нибудь, а именно со мной. А с другой – в результате этого чуда я оказался на ночь глядя в другой стране без документов, денег и предметов личной гигиены.

Кстати, что у меня с деньгами и, вообще, что у меня есть?

Присев на лавочку у подъезда знакомого двухэтажного дома (впрочем, почти все дома были мне тут знакомы), в свете, падающем из окна чьей-то кухни, я тщательно изучил содержимое карманов и обнаружил: не первой свежести носовой платок, полупустую пачку сигарет, зажигалку, журналистское удостоверение и двести восемнадцать рублей денег.

Да, не густо. На билет до Москвы явно не хватит. Разве что до Киева... Только, вот, кто у меня эти рубли возьмёт в уплату проезда, если ближайший обменный пункт здесь наверняка только в Житомире и вообще ночь на дворе? Кстати, о ночи. Ночевать-то где? В чистом поле? А ведь становится прохладно, блин... Можно, конечно, развести костёр в сторонке и пересидеть до рассвета. Вспомнить, так сказать, юность. Если ещё и картонку относительно чистую найти да пару-тройку газет, чтобы тело под рубашкой обернуть (бумага хорошо тепло держит), то и вздремнуть, вероятно, удастся. Ладно, удастся. А завтра что? Места хоть и знакомые, но знакомых-то давно никого не осталось. Семнадцать лет как-никак. Советский Союз успел распасться, какие уж тут знакомые... Опять же, люди военные на месте долго не сидят...

Дверь подъезда хлопнула, и на улицу из дома вышел человек.

Чуть выше среднего роста, моих лет, блондин, одет в спортивный костюм, в зубах – сигарета.

Человек хлопнул себя по карманам, невнятно чертыхнулся и покосился в мою сторону.

– Прикурить не найдётся? – спросил он.

Этот голос... Или я его уже слышал, или это магия детских воспоминаний срабатывает? Кто у нас был ярко выраженным блондином? Только Женька Микулич. Мой одноклассник. Нет, не может быть...

– Найдётся, – сказал я, доставая сигареты и зажигалку.

Он опустил рядом на скамейку, и я высек огонь. Язычок газового пламени осветил склонившееся к моим ладоням лицо, и я заметил длинный характерный шрам от ожога в форме восклицательного знака на его левой щеке. У Женьки Микулича был такой же.

– Извини, – спросил я, прикурив в свою очередь. – тебя, случаем, не Евгением зовут?

– Им самым, – спокойно подтвердил он, оглядывая меня с ног до головы. – Где я тебя видел?

– Жека! – сказал я, чувствуя, что улыбка неудержимо растягивает мой рот. – Семнадцать-восемнадцать лет назад мы виделись с тобой каждый день. Здорово, дружище!

– Ч-черт, ни хрена себе.... Ленька?!

Мы обнялись.

– Ты... Ты как здесь оказался? – радостно спросил он.

– Хороший вопрос... – пробормотал я. – Даже не знаю, что тебе и ответить. И соврать не получится, и правду сказать – не поверишь.

– Ага, – сказал он и в две затяжки докурил сигарету. – Вижу, как всегда, без бутылки не разберёшься. Да и встречу все равно отметить надо, не говоря уже о твоём ночлеге. Пошли ко мне. Я здесь, на втором этаже. Вон, окна мои горят, видишь?

– Погоди... Это, кажется, квартира, где Галка Аничкина жила?

– Ты смотри, помнишь, – удивился Женька. – Теперь здесь

я живу. Давно уже.

– Э-э, постой... там же у тебя, наверное, жена. Что она подумает? Вышел покурить и привёл в дом бродягу с улицы? Неудобно как-то...

– Задолбал, – покачал головой друг детства. – Ты, случаем, не в Москве сейчас живёшь?

– В Москве. А как ты догадался?

– Да тут и догадываться нечего. Все вы там, в Москве, свой и чужой покой слишком бережёте. Общаетесь по телефону, в гости ходите по договорённости и на строго ограниченное время, а уж для того, чтобы в гостях ночевать остаться, вообще мир перевернуться должен. Как минимум. Пошли, пошли. Тоже мне, стесняется он... Как дам сейчас по шее! – он шутливо ткнул меня в плечо кулаком. – Помнишь, как мы в детстве дрались? Из-за Оленьки? И кто кому тогда навалил, помнишь? То-то.

– Навалить-то ты мне навалил, – усмехнулся я. – Да только Оленька все равно со мной ходила, а не с тобой.

– Это верно, – вздохнул он. – Именно тогда я впервые понял, что сила – это не всегда аргумент.

Жекина жена Люба, немногословная и симпатичная, чуть полноватая молодая женщина, уже с полчаса, как пошла спать, прибрал со стола и оставив нам только водку, рюмки, немудрёную закуску в виде салата из свежих помидоров и огурцов и, уже ополовиненную трёхлитровую банку («трёх-

литровый баллон», как говорили мы когда-то) с берёзовым квасом.

Именно этот квас (точно такой делала мама из сока, что я лично брал в марте месяце у трёх мощных берёз, росших возле нашего дома) странным образом примирил (не без помощи водки, конечно) меня с окружающей действительностью и окончательно убедил в том, что все происшедшее со мной за последние три часа не сон и бред, а самая, что ни на есть истинная реальность.

За распахнутым по случаю лета и непрерывного курения окном кухни дышала необъятным покоем украинская ночь. Та самая, воспетая Гоголем. Она себе дышала, а мы с Жекой пили холодную водку, запивали её не менее холодным берёзовым квасом, курили и разговаривали.

Сначала о том, что у нас с ним было общего – о нашем детстве, а потом уже, когда я после определённого количества водки вполне созрел, о моём здесь появлении.

– ... вот, – закончил я свой рассказ. – А потом я сел на лавочку, и ты вышел покурить.

Над столом повисла пауза.

Жека протянул руку, взял бутылку, наполнил рюмки, и мы выпили. Молча.

– Да, – сказал товарищ моего детства, – ты всегда был выдумщиком. Фантастику, опять же, любил. Помнишь, мы были в пятом классе, а в четвёртый пришла какая-то новенькая? И ты утверждал, что она инопланетянка. Мол, видел

своими глазами, как она летала над речкой.

Я помнил.

– То есть, ты мне не веришь? – спросил я.

– Верю, не верю... Какая разница? Это, дружище, не имеет никакого значения, поверь. Но, если ты хочешь об этом поговорить, – пожалуйста. Скажи, а ты бы поверил в такую историю, случись она, например, со мной?

– Чёрт его знает... – криво улыбнулся я, чувствуя, что начинаю трезветь. Нет, наверное. Да что там «наверное»... Самое забавное (теперь ты мне точно не поверишь), что там, в кафе, когда я пил пиво, ко мне подсел один мужик. И рассказал историю про своего деда и шаровую молнию. Мол, они были на рыбалке и спали в палатке. Началась гроза, и шаровая молния всосалась прямо в тело спящего деда. И мгновенно дед перенёсся вместе с одеялом на несколько десятков метров. А палатка при этом осталась совершенно цела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.